

МИХАИЛ
ИЛЛАРИОНОВИЧ
КУТУЗОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
THE ORDER OF LENIN STATE HISTORY MUSEUM

А.С. КОРХ

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ
КУТУЗОВ

МИХАИЛ
KUTUZOV

*Имя твое и память будут греметь
в отдаленнейшем потомстве россиян,
мысль о тебе смешается с понятием
о любви к Отечеству...*

В. И. Штейнгель

Михаил Илларионович Кутузов — великий русский полководец, участник русско-турецких войн 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг., главнокомандующий русской армией в третьей коалиции против Франции в начале XIX века и в войне с Турцией 1811—1812 гг., прославленный герой Отечественной войны 1812 года — родился 5 (16) сентября 1745 года в Петербурге, в старинной дворянской семье, которая вела свой род с XIII века. Известно, что основатель рода Гавриил сражался под стягами Александра Невского.

Фамилия Голенищевых-Кутузовых сформировалась в XV веке. Один из предков — Федор Александрович — носил прозвище „Кутуз“, а его брат Ананий имел сына Василия прозванного „Голенище“. Род был знатный, это подтверждается тем фактом, что Иван IV Грозный выдал Марию Андреевну Кутузову за бывшего Казанского царя Симеона.

Илларион Матвеевич — отец полководца — был крупным военным инженером. Начав военную службу при Петре I, он участвовал в войнах XVIII века. Уйдя в отставку в чине генерал-поручика, продолжал службу по гражданскому ведомству. „Генерал-поручик и сенатор Илларион Матвеевич, служивший 30 лет в инженерном корпусе и участвовавший в первой русско-турецкой войне под знаменами Румянцева-Задунайского, был человеком чрезвычайно умным, разносторонне образованным, за что и прозвали его „разумной книгой“. Его имя стало особенно известно в связи с разработкой проекта канала, построенного в Петербурге при Екатерине II для избавления жителей столицы от губительных наводнений полноводной Невы.

Будущий полководец рано потерял мать, и сначала его воспитанием занималась бабушка, а затем отец. Вольшая роль в формировании любознательного и одаренного мальчика принадлежит родственнику отца Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову — адмиралу русского флота, одному из образованнейших людей своего времени, директору Морского кадетского корпуса, вице-президенту Адмиралтейств-коллегии, члену Российской Академии, автору ряда работ по военно-морскому искусству.

Юного Кутузова с ранних лет готовили к военной деятельности.

В 1757 году 12-летним мальчиком он поступает в Инженерную школу, основанную Петром I и преобразованную в 1758 году в Соединенную артиллерийскую и инженерную школу, готовившую офицерские кадры для русской армии. Благодаря усилиям П. И. Шувалова, назначенного в 1756 году генерал-фельдцейхмейстером, в подчинении которого оказалась и школа, система подготовки воспитанников значительно улучшилась. Ведущими дисциплинами были: артиллерия, фортификация, тактика. Наряду с военными дисциплинами воспитанники школы изучали и общеобразовательные предметы: алгебру, геометрию, физику, историю, географию, литературу, иностранные языки. Шувалов подчеркивал: „Знание геометрии артиллеристу и инженеру необходимо, история больше в сердце молодого человека добродетелей вливает, нежели наистрожайшее нравоучение, а сколько подает военному служащему пользы, того и описать невозможно“. На должность преподавателей Шувалов пригласил видных специалистов, в том числе И. А. Вельяшева-Волынцева, автора „Артиллерийских предложений“, Я. П. Козельского, автора „Арифметических предложений“ и других книг, ставших пособиями по артиллерии, механике, арифметике, философии. Большое влияние на воспитанников школы оказал великий русский ученый М. В. Ломоносов. Близкий И. И. Шувалову по работе, связанной с учреждением Московского университета, а через него и его брату П. И. Шувалову, Ломоносов помогал последнему в улучшении постановки преподавания в школе. Многие общеобразовательные дисциплины были включены в программу обучения по совету Ломоносова, а заключительный раздел шуваловского проекта преобразования школы в Артиллерийский и инженерный корпус написан при его участии. Воспитанники школы испытывали непосредственное влияние Ломоносова, посещая его лекции в Академии наук. С увлечением слушал эти лекции и Михаил Кутузов.

Все свободное время он посвящал книгам и зарекомендовал себя чрезвычайно прилежным и исключительно способным учеником. Отлично успевая, Кутузов в совершенстве овладел не только военными науками, но и горячо полюбил философию, историю, русскую и зарубежную литературу, математику, хорошо изучил ряд иностранных языков, в том числе английский, польский, немецкий и французский, а позднее шведский и турецкий.

В 1759 году Кутузов досрочно закончил курс и по приказу Шувалова был оставлен в школе на преподавательской работе: „Артиллерийский каптенармус Михаил Кутузов за его особенную прилежность и в языках и в математике знание, а паче что ... до инженера имеет склонность, в поощрение прочим, сего числа произведен мною в инженерный корпус первого класса кондуктором... и оставлен по-прежнему при школе, к вспоможению офицерам для обучения прочим“.

Действительная военная служба Кутузова началась в 1761 году командиром роты Астраханского пехотного полка, куда он был направлен по его настоятельной просьбе после полуторогодичного преподавания математики в Артиллерийской и инженерной школе. Около года он командовал ротой Астраханского полка — будущего полка А. В. Суворова. Затем был назначен адъютантом к ревельскому губернатору. В 1764 году переведен в Польшу, в действующую армию, где получил боевое крещение 28 июля (8 августа) в бою против войск князя Радзивилла.

Одной из важнейших внешнеполитических задач России во 2-й половине XVIII века была задача получить выход к Черному морю. На пути ее решения стояли Турция и некоторые европейские государства, не желавшие укрепления России, усиления ее влияния в европейских делах и на Востоке.

В 1768 году Турция, подстрекаемая Францией, объявила войну России. Для ведения боевых действий на юге страны были созданы две армии, первой из них командовал П. А. Румянцев, второй — В. М. Долгоруков. В конце 1769 года Кутузов получил назначение в армию Румянцева. Началась его многолетняя служба и боевая деятельность на южных границах Российского государства. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. стала важным этапом в формировании полководческого искусства Кутузова.

В ходе боевых действий в 1770 году, будучи обер-квартирмейстером в корпусе Румянцева и находясь в авангарде наступающих войск, Кутузов исполнял трудные и ответственные поручения, «напрашивался... на все опасные случаи» и стал известен Румянцеву как храбрый и способный штабной и боевой офицер. Он принимает самое активное участие в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и реке Кагул, в которых были разгромлены основные силы турок.

В дальнейшем Кутузов в чине премьер-майора был переведен из штаба армии в Смоленский пехотный полк, с которым участвовал в ряде сражений, в том числе при Попештах. За мужество и храбрость, проявленные в этих боях, Кутузов был произведен в подполковники.

В 1772 году начинается служба Кутузова в Крымской армии под командованием В. М. Долгорукова. Во время боя у деревни Шумы, где закрепился турецкий десант, перекрывший дорогу к Алуште, Кутузов, подавая личный пример, со знаменем в руках повел батальон в атаку. В жаркой схватке турки были выбиты из своих позиций, дорога на Алушту открыта. В этом бою Кутузов получил тяжелое ранение в голову: «сей штаб-офицер получил рану пулею, которая, ударивши его между глазу и виска, вышла напролет в том же месте на другой стороне лица», — сказано в рапорте Долгорукова. Рана была настолько тяжелой, что врачи не надеялись на выздоровление. Но Кутузов поправился. Приехав в Петербург, он получил продолжительный отпуск для лечения за границей. В приказе Военной коллегии об этом говорилось: «Уволить его для излечения ран к теплым водам, считая с 1-го января будущего 1776 года, на год без вычета жалованья». Кроме этого, Кутузов получил по указанию Екатерины II тысячу червонцев и был награжден орденом св. Георгия IV степени.

Кутузов посетил Пруссию, Австрию, Голландию, Италию, Англию, где он не только лечился, но и использовал малейшую возможность для пополнения своих знаний, для ознакомления с западноевропейским военным искусством и международной политикой.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. закончилась поражением Турции. По Кучук-Кайнарджийскому договору Россия получила земли между Днепром в Бугом, крепости Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн. Турция признала независимость крымских и кубанских татар. Россия получила право свободного плавания по Черному морю через проливы Босфор и Дарданеллы.

В 1777 году Кутузов вернулся из-за границы и был направлен к Суворову — в то время командующему русскими войсками в Крыму. В течение почти шести лет он был одним из командиров, которому Суворов поручал самые ответственные задачи по укреплению и охране побережья Крыма. Суворов одним из первых заметил дипломатические способности Кутузова и поручил ему вести переговоры с крымскими татарами, стремясь укрепить влияние России на полуострове. По замечанию Е. В. Тарле, «тут впервые Кутузов обнаружил такое умение обходиться с людьми, разгадывать их намерения, бороться против интриг противника, не доводить спора до кровавой развязки и, главное, достигать полного успеха, оставаясь с противником лично в самых «дружелюбных» отношениях, что Суворов был от него в восторге». Высоко оценивая способности Кутузова, Суворов говорил: «Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет».

В эти годы Кутузов проходит основательную школу обучения и воспитания войск. По ходатайству Суворова он был произведен в полковники, в 1782 году получил чин бригадира, в 1784 году стал генерал-майором и командиром Бугского егерского корпуса.

В 1787 году Турция, недовольная условиями Кучук-Кайнарджийского договора, подстрекаемая Францией и Англией, вновь объявила войну России. Началась вторая русско-турецкая война. Против турецких войск были развернуты две армии: Екатеринославская под командованием Г. А. Потемкина и Украинская во главе с П. А. Румянцевым. Союзницей России в этой войне была Австрия.

В начале русско-турецкой войны 1787—1791 гг. корпус Кутузова входил в состав Екатеринославской армии. Потемкин, поручая Кутузову охрану границы по реке Буг, писал: «Ваша распорядительность и искусство меня совершенно обеспечивают и я с надеждой полагаюсь на Ваше бдение». В короткое время Кутузов укрепил границу, создал надежную линию обороны, организовал эффективную пограничную службу. Генерал Н. В. Репнин, ознакомившись с одним из участков границы, сообщал Потемкину: «Можно надеяться, что при сем poste под предводительством его, господина генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова, в случае нападения неприятельского все пойдет с желаемым успехом».

В 1788 году корпус Кутузова был переброшен в район мощной турецкой крепости Очаков, осажденной войсками Потемкина. 18(29) августа, отражая вылазку турок из крепости, Кутузов, находившийся в боевых порядках своих егерей, был вторично тяжело ранен пулей в голову, почти так же, как в первый раз. В связи с этим принц де Линь писал австрийскому императору Иосифу II: «Вчера опять прострелили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня или завтра он умрет». Принц имел основания для опасений. По мнению врачей «сей опасный сквозной прорыв нежнейших частей и самых важных, по положению височных костей, глазных мышц, зрительных нервов, мимо которых на волосок... прошла пуля, и мимо самого мозга... не оставил других последствий, как только что один глаз несколько иссохло». Это был настолько интересный случай в медицине, что о нем писались диссертации, называвшие исход ранения «чудом». Пророческими оказались впоследствии слова врача Кутузова: «Надобно думать, что провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая

смертельна". Кутузов поправился, и уже через четыре месяца принял участие в штурме и взятии Очакова.

После падения Очакова Кутузову поручается оборона границы от устья Днестра до Бендер. А затем его войска были направлены к Измаилу — сильнейшей турецкой крепости на Дунае, борьба за которую вступила в решающую стадию. Задача исключительной трудности — взять Измаил — была поручена Суворову.

Русские войска, сосредоточенные под Измаилом, насчитывали 30 тысяч человек. Гарнизон крепости — более 35 тысяч. Решение штурмовать Измаил было принято на Военном совете, где Суворов обратился к присутствовавшим, среди которых был и Кутузов, со следующими словами: „Правда, что затруднения велики: крепость сильна, гарнизон — целая армия, но ничего не устоит против русского оружия... Я решил-ся овладеть этой крепостью, либо погибнуть под ее стенами“.

В соответствии с диспозицией Кутузов командовал 6-й штурмовой колонной на левом фланге, которая должна была атаковать бастион вблизи Килийских ворот, овладеть Новой крепостью — одним из наиболее укрепленных пунктов обороны Измаила. 10(21) декабря 1790 года, накануне штурма, почти весь день продолжался обстрел Измаила из 500 орудий. В 5 часов утра 11 декабря был дан сигнал к штурму. Несмотря на жестокий огонь, штурмующие колонны в темноте подошли к контр-эскарпу, забросали фашинами рвы, стремительно спустились вниз и, приставив к валу лестницы, взобрали на него. Колонна Кутузова ворвалась на вал, где завязался тяжелый рукопашный бой. Суворов, заметив опасное положение в этом месте, посылает к Кутузову офицера с сообщением, что он назначается комендантом Измаила. Кутузов ввел в бой весь свой резерв, опрокинул турок и захватил бастион. К рассвету русские войска выбили противника с внешних укреплений, и турки вынуждены были укрыться внутри города. Открыв ворота и получив подкрепление, Суворов перенес бой на улицы Измаила, где он продолжался еще шесть часов и закончился уничтожением турецкой армии.

Представляя Кутузова к награждению за Измаил, Суворов писал о своем любимом ученике и соратнике: „Генерал-майор и кавалер Голешищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, влез на вал, овладел бастионом, и когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал поражать врагов“. На наградном списке Суворов собственноручно написал: „Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был правую мою рукою“. После падения Измаила Кутузов спросил командующего: „Почему Ваше сиятельство поздравили меня с назначением комендантом, когда успех еще был сомнителен?“. „Суворов знает Кутузова, а Кутузов знает Суворова, — последовал ответ. — Если бы не был взят Измаил, мы оба умерли бы под его стенами“. За Измаил Кутузов был удостоен ордена св. Георгия III степени и чина генерал-поручика.

На заключительном этапе войны с Турцией роль Кутузова значительно возросла. Он становится одним из известных и признанных генералов русской армии.

После смерти Г. А. Потемкина и отзыва А. В. Суворова из действующей армии в Петербург командующим на театре военных действий про-

тив турок был назначен генерал-аншеф Н. В. Репнин. Кутузов как комендант Измаила принимает решительные меры по укреплению крепости: турки стали стягивать к Измаилу свежие силы. Разведка доносила, что в Бабадаге находилось до 23 тысяч турецких войск, у Мачина — 30 тысяч. В такой обстановке Кутузов предложил смелое решение — разбить турецкие силы в Бабадаге и Мачине порознь. Репнин одобрил план действий, и отряд Кутузова в 12 тысяч человек, переправившись через Дунай и скрытно подойдя к турецкому лагерю у Бабадага, 4 (15) июня внезапно атаковал его. Противник не смог сдержать натиск атакующих колонн и бежал, потеряв более 1500 человек убитыми. В лагере были захвачены большие запасы боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

Между тем, уже через месяц после поражения у Бабадага турки, готовя наступление, сконцентрировали у Мачина до 100 тысяч войск. Репнин принимает решение упредить противника. Переправившись через Дунай у Галаца, русская армия приблизилась к Мачину. Для атаки турецкого лагеря Репнин разделил свои силы (30 тысяч человек, 78 орудий) на три части: корпус генерала С. Ф. Голицына должен был отвлекать силы противника по фронту, основной удар наносил корпус Кутузова в правый фланг турецких войск, стоявших перед Мачином, корпус генерала Г. С. Волконского поддерживал Кутузова. Сражение началось рано утром 28 июня (9 июля) 1791 года. На подступах к Мачину войска Кутузова были обнаружены и окружены турецкой конницей. Построив свои войска в пять боевых каре, Кутузов прорвал окружение и вышел к исходному рубежу атаки на правом фланге турок. Поддержанный ударами войск Голицына и Волконского, корпус Кутузова, преодолевая ожесточенное сопротивление, обошел правый фланг противника и решил исход сражения — разбитые по всему фронту и преследуемые русской конницей турецкие войска бежали, бросив два лагеря с военным имуществом, 35 пушек и потеряв убитыми до 4 тысяч человек.

В этом сражении ярко проявилось боевое мастерство Кутузова как выдающегося тактика. „Расторпность и сообразительность генерала Кутузова превосходят всякую мою похвалу“, — так оценивал Репнин действия Кутузова в Мачинском сражении. Действия Кутузова и его роль в этом сражении были отмечены орденом св. Георгия II степени.

Взятие Измаила, поражение под Мачином, победа русского флота при Килиакрии под руководством Ф. Ф. Ушакова вынудили Турцию пойти на переговоры. 29 декабря 1791 года (9 января 1792 г.) в Яссах был заключен мир, по которому границей между Россией и Турцией стал Днестр, турки подтвердили условия Кучук-Кайнарджийского договора и включение Крыма в состав России.

С окончанием русско-турецкой войны 1787—1791 гг. закончился важный период жизни и деятельности Кутузова. „В суровой практике военных будней, в жарких схватках с врагами на полях кровопролитных сражений проходило становление одного из наиболее талантливых и самобытных полководцев России. К началу XIX столетия Михаил Илларионович Кутузов вырос в военного руководителя крупного масштаба, обладавшего глубокими знаниями военного дела и боевым опытом, способного решать сложные задачи в области стратегии и тактики.“

Исклчительно плодотворную роль в формировании военных взглядов Кутузова сыграли крупнейшие русские полководцы XVIII века П. А.

Румянцев и А. В. Суворов. У них учился он прогрессивным методам обучения и воспитания войск, полководческому мастерству, искусству побеждать сильного врага”.

После заключения Ясского мирного договора Кутузов некоторое время находился в Молдавии и Польше, затем был направлен на дипломатическую работу. В рескрипте Екатерины II на его имя от 25 октября (6 ноября) 1792 года говорилось: „Михайло Ларионович! Вознамеревая отправить Вас чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской, повелеваем для получения надлежащих наставлений поспешить Нашим сюда приездом”. По свидетельству Ф. Синельникова, первого биографа полководца, императрица беседовала с Кутузовым „о положении всех государств и о взаимных их отношениях одного к другому... Из тонкости, которую она заметила в уме его, из зрелых рассуждений, которые он делал о предметах дипломатических, и из предосторожности, которую соблюдал он во всех своих разговорах и поступках, — тотчас заключила она, что Голенищев-Кутузов есть тот самый человек, в выборе коего она долго затруднялась...”. Перед отъездом Кутузов получил соответствующие инструкции. Укрепление долгосрочного мира с Турцией было главной задачей посольства. Одновременно с этим Кутузов должен был наблюдать за деятельностью турецкого правительства, так как определенные круги в Турции и некоторые европейские державы могли спровоцировать новую войну, что было крайне нежелательно для России.

Кроме поддержания и укрепления мира, перед посольством ставилась задача по сбору информации о внутреннем положении страны, по содействию торговле, ослаблению влияния на турецкое правительство западноевропейских стран, и в первую очередь, Франции и Англии. Кутузов обязан был наблюдать за состоянием вооруженных сил Турции, оказывать поддержку балканским народам, „под игом варварским удрученных”.

В состав константинопольского посольства входило 650 человек. Его многочисленность объяснялась с одной стороны желанием Екатерины II поразить турок великолепием и пышностью свиты, еще раз подчеркнуть могущество России, с другой — необходимостью иметь различную информацию военно-политического и экономического характера.

26 сентября (7 октября) 1793 года русское посольство торжественно, с развернутыми знаменами вступило в турецкую столицу. Кутузова встречали высшие сановники и аккредитованные в Турции иностранные дипломаты. До официального приема у султана Кутузов ознакомился с Константинополем. О своих впечатлениях от древнего города писал жене: „Над моим домом есть бельведер. Взойдешь на него и увидишь все положение Константинополя: сераль, гавань превеликая, покрытая беспрестанно судами и лодками, которых, конечно, во всякое время глазом увидишь тысячу. Константинополь с прекрасной Софией, Сулимание, Фанари, Галата, Пера, прекрасный пролив константинопольский, называемый древними Босфор Фракийский; за ним предместье Скутари в Азии; в нем 200 000 жителей...”. 31 октября (11 ноября) русский посол с большими почестями был принят султаном Селимом III. Началась его многотрудная дипломатическая служба в Константинополе, с которой Кутузов, несмотря на очень сложную обстановку, успешно справился. Он

сумел расположить к себе султана, его министров и, ведя тонкую дипломатическую борьбу как с противниками России в окружении султана, так и с западноевропейской дипломатией, добился поставленных перед ним целей. Кутузов твердо и решительно защищал интересы России, требуя точного выполнения Турцией условий мирных договоров и других соглашений. Хорошо осведомленный о положении дел в Турции, Кутузов в своих донесениях в Петербург, в переписке с государственными и военными деятелями (А. В. Суворовым, П. А. Румянцевым, Н. С. Мордвиновым, Я. Е. Сиверсом и другими) опровергал слухи о скорой войне Турции против России. В письме к Суворову, в то время командовавшему войсками в Крыму, Кутузов подчеркивал: „Я должностию служения своего поставлю предупредить Вас, милостивого государя, что по примечаниям моим не полагаю я разрыв с нами столь близок... Везде развалившиеся ее крепости не приведены в совершенно оборонительное состояние, флот еще не силен; предпринятые перемены в денежной части не достигли надлежащей зрелости, а пуще всего внутренность расстроена, везде почти непослушание, во многих местах мятежи... Все сии причины должны воздержать ее, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для нее пагубной крайности”.

Проницательность и дальновидность, основанные на реалистическом анализе фактов, осторожность, умение привлекать людей на свою сторону, трудолюбие, хорошо организованная информация позволяли Кутузову решать важные вопросы, направленные на защиту интересов России. Кутузов успешно справился с труднейшей задачей — предотвратить сближение Турции с Францией, расстроить заключение союза, направленного против России. Кутузов успешно решил вопрос о тарифах, что способствовало развитию русской торговли. Делясь впечатлениями о своей дипломатической работе, он писал жене: „Хлопот здесь множество, нету на свете министерского посту такого хлопотливого, как здесь, особливо в нынешних обстоятельствах, только все не так мудрено, как я думал... Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно...”.

Выполнив важнейшую дипломатическую миссию, Кутузов в начале 1794 года возвратился в Петербург.

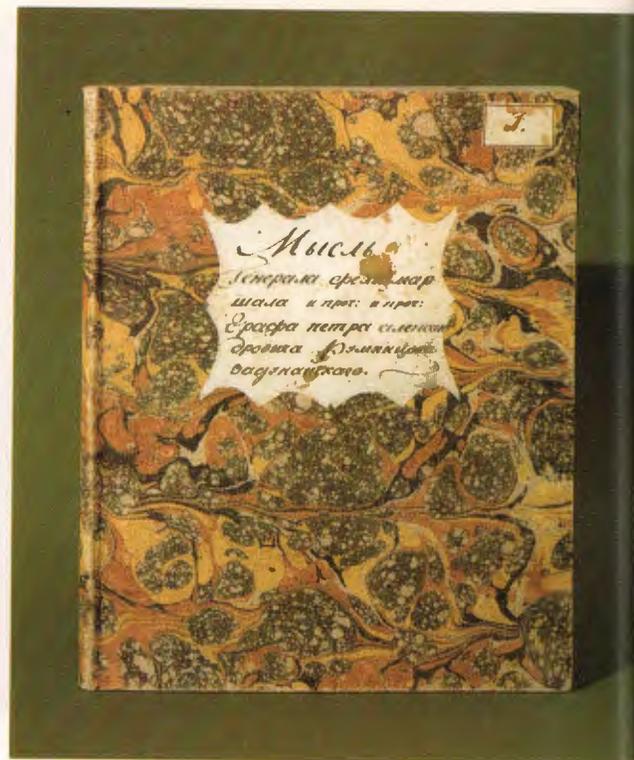

△
„Панорама Петербурга”.
Раскрашенная гравюра. Начало XIX в.

◁
М. И. Кутузов
Гравюра Ф. Вендрамини по оригиналу Л. Сент-Обена.
1813 г.

Стволы артиллерийских орудий, на первом плане „единорог”.
Бронза, литье. 2-я половина XVIII в.

△

П. А. Румянцев-Задунайский.
„Мысль о состоянии армии, об устройстве войск,
арсеналов, о заведении военных школ, о дисциплине
и пр.“.
Список на бумаге. Конец XVIII в.

△

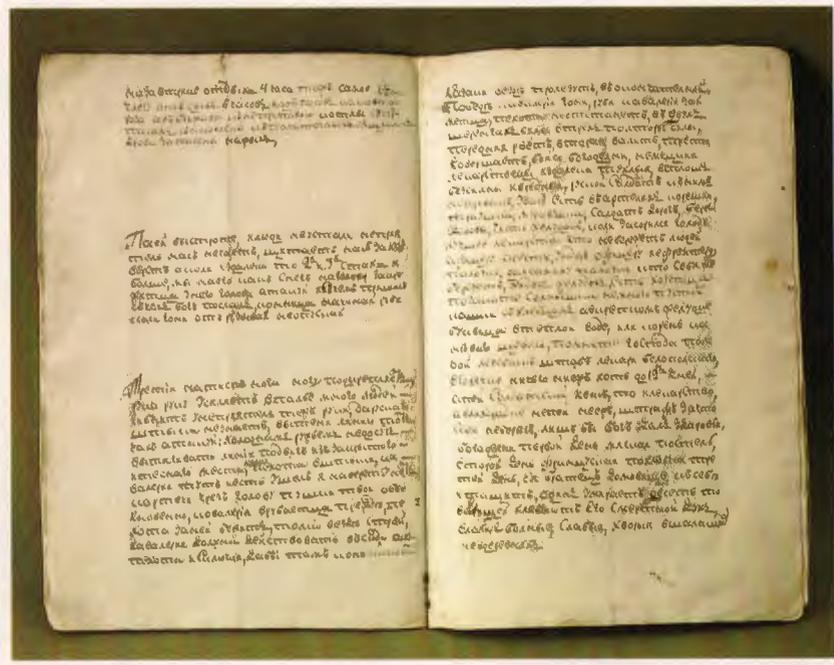
И. Л. Голенищев-Кутузов (1729—1802).
Художник Д. Левицкий.
Холст, масло. Начало XIX в.

П. И. Шувалов (1710—1762).
Гравюра Г. Шмидта. 1760 г.

А. В. Суворов. „Наука побеждать“.
Список на бумаге. Конец XVIII в.

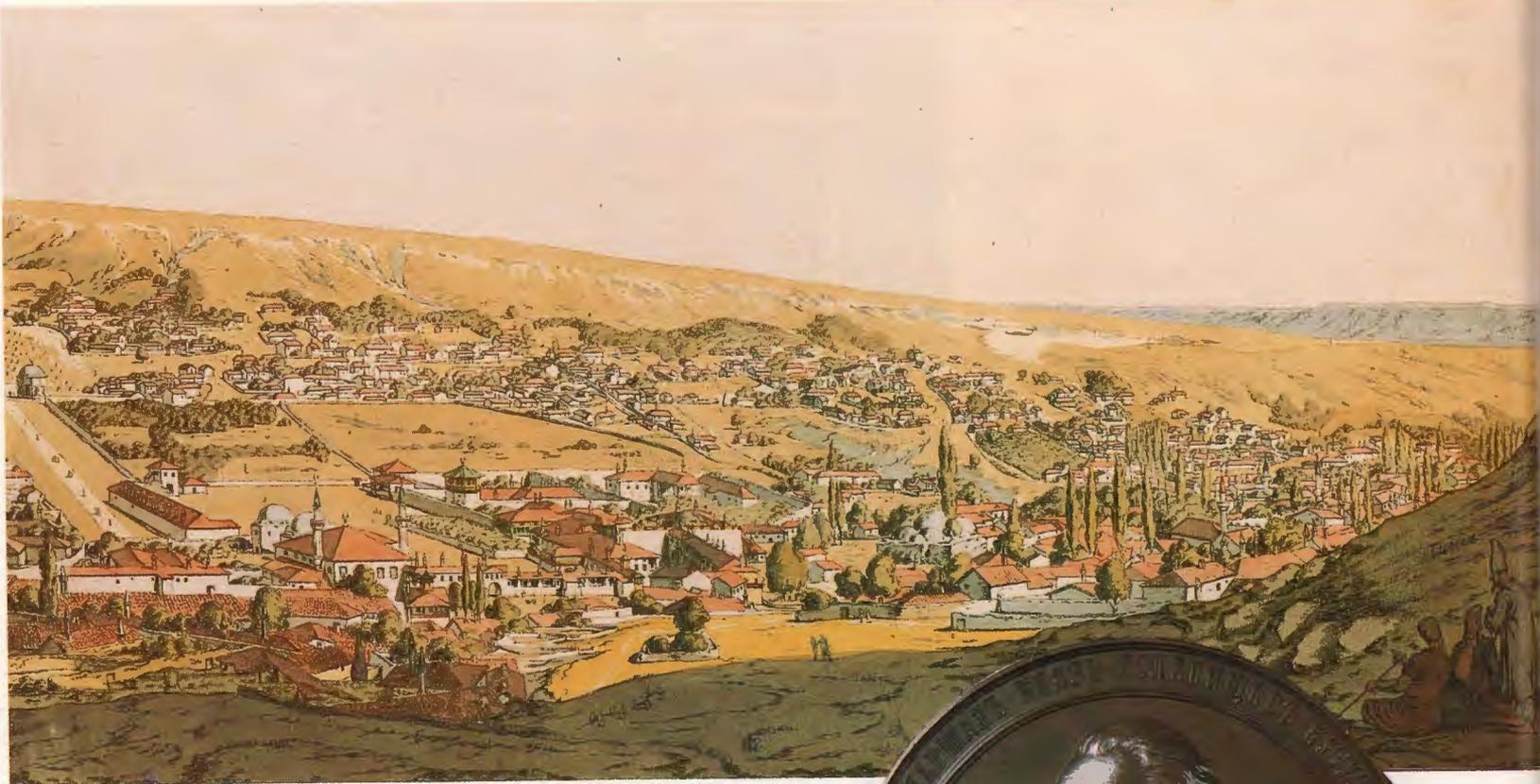

◀ „Сражение при Кагуле 21 июля (1 августа)
1770 г.“
Художник Д. Ходовецкий.
Бумага, акварель. 1770-е гг.

▷
П. А. Румянцев-Задунайский (1725—1796).
Неизвестный художник.
Холст, масло.
Последняя треть XVIII в.

Медаль „В память заслуг графа Румянцева во
время войны с турками“.
Резал И. Легер. Бронза, чеканка. 1770 г.

△
„Панорама Бахчисарая — столицы Крымского ханства”.
Раскрашенная гравюра по оригиналу Г. Гейслера. 1794 г.

▷
Медаль в память о ранении М. И. Кутузова под Алуштой
27 июня (8 июля) 1774 г.
Художник В. Алексеев. Бронза, чеканка. 1874 г.

△
В. М. Долгоруков-Крымский (1722—1782)
Неизвестный художник.
Холст, масло. 1770-е гг.

◁
Оружие русской конницы: драгунские палаши, гусарские сабли. Сталь, позолота. 2-я половина XVIII в.

△
Г. А. Потемкин-Таврический (1739—1791).
Художник И. Лампи-старший (?).
Холст, масло. 1790-е гг.

△
Орден св. Александра Невского. Учрежден в 1725 г.
Золото, рубиновое стекло, эмаль, муар.
Начало XIX в.

▷
„План турецкой крепости Очаков,
взятой русскими войсками 6 (17) декабря 1788 г.“.
Раскрашенная гравюра. Австрия. 1790-е гг.

AS
SCHWARZE MEER

△
М. И. Кутузов.
Гравюра Л. Серякова.
1878—1879 гг.

△ Наградные офицерские кресты за взятие Очакова и Измаила.
Золото, чеканка, муар.
1788, 1790 гг.

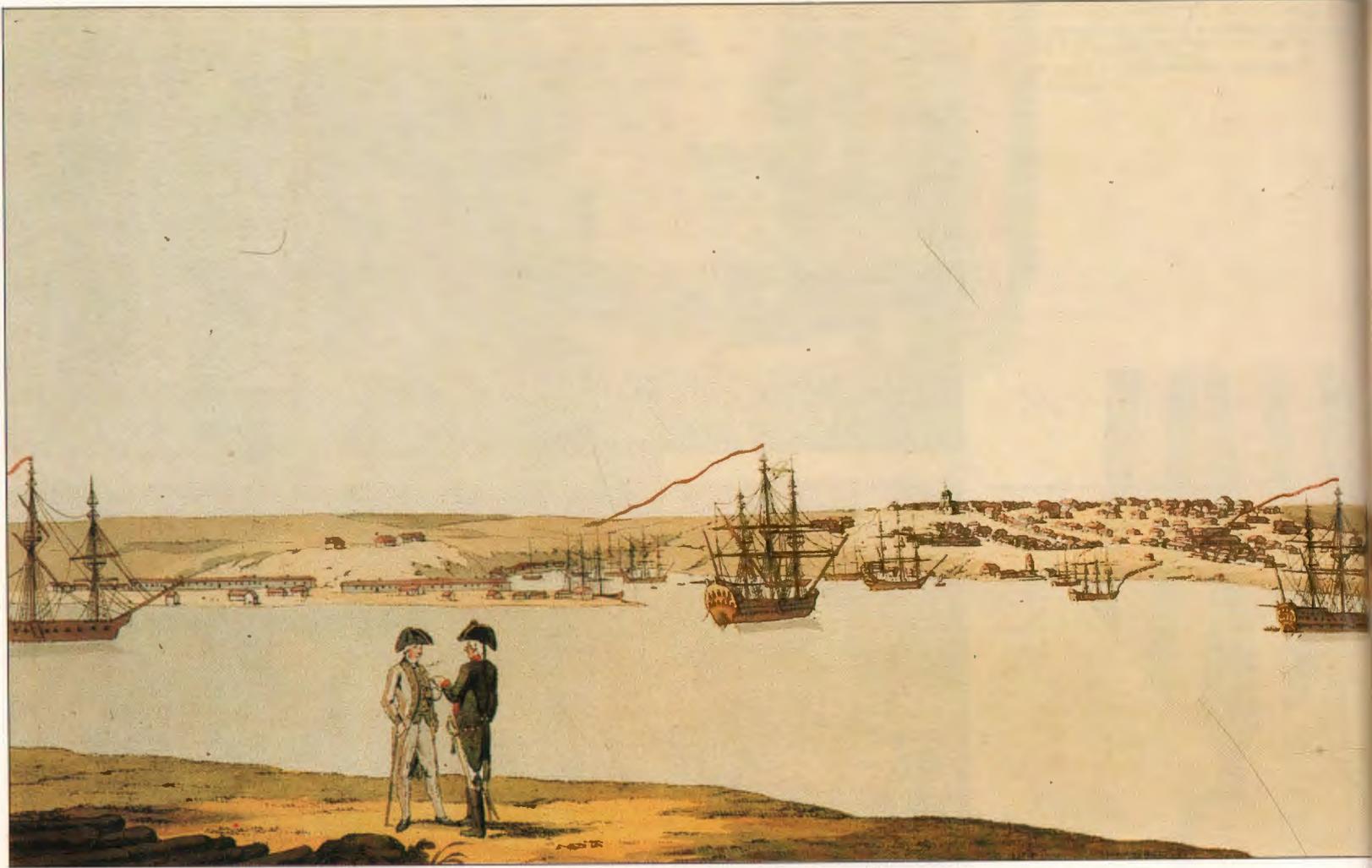
▽

Расселение М. И. Кутузова под Очаковым
во время вылазки турок из Крепости 18
(29) августа 1788 г.
Гравюра неизвестного художника.
Начало XIX в.

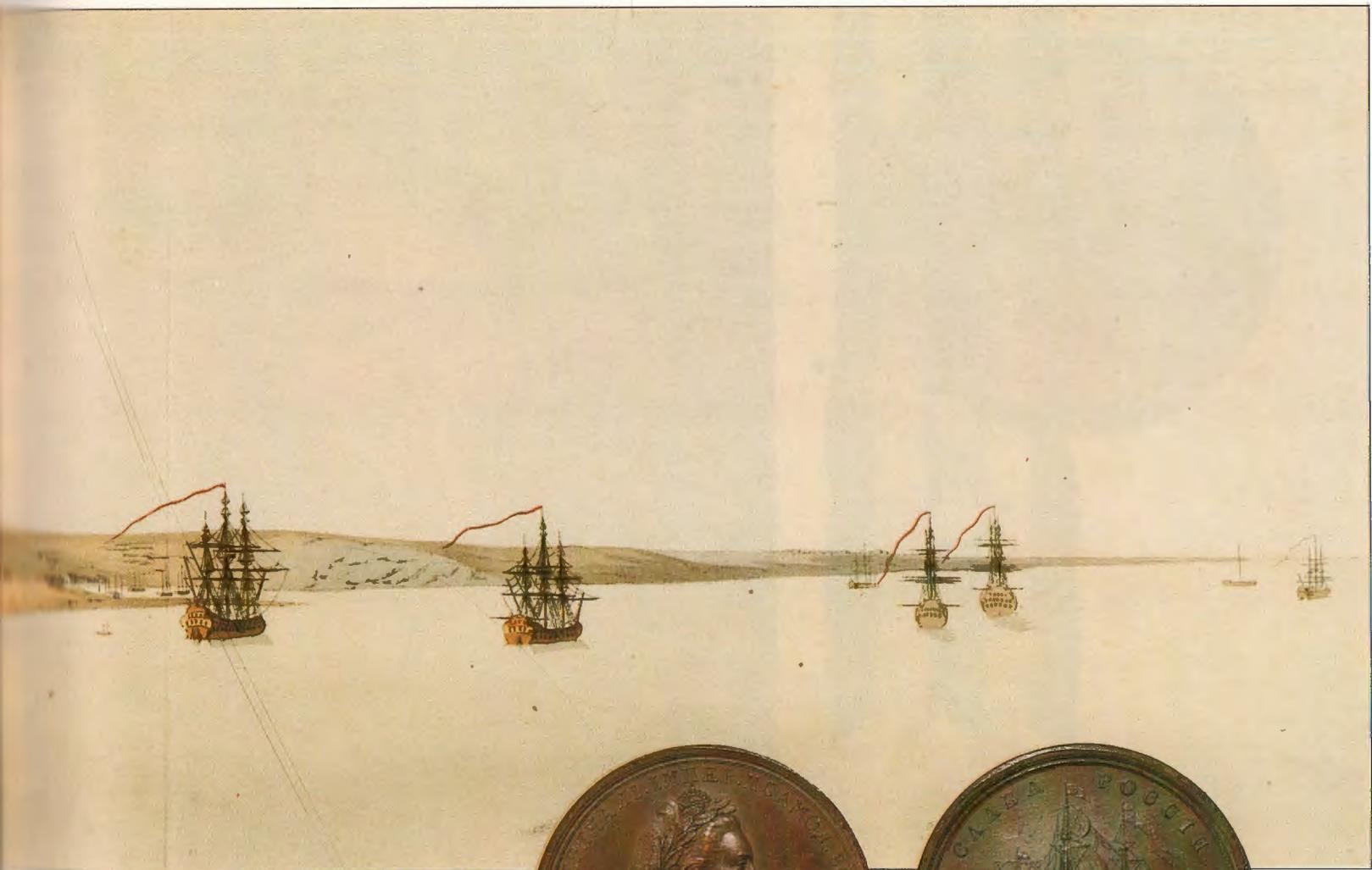
„Сдача турецкой крепости Бендеры
русской армии“.
Гравюра Шутца. Австрия. 1790 г.

△

„Вид на Севастополь и русскую эскадру“.
Раскрашенная гравюра по оригиналу Г. Гейслера.
1794 г.

Памитная медаль „На учреждение
Черноморского флота“
Художник П. Бобровщиков.
Бронза, чеканка. 1785 г.

Орден св. Георгия
I степени. Звезда и лента
принадлежали
А. В. Суворову.
Золото, эмаль, золотное
шитье, муар.
Конец XVIII в.

А. В. Суворов (1730—1800). ▷
Неизвестный художник. Холст, масло.
1795—1796 гг.

„Штурм Измаила 11 (22) декабря 1790 г.“. ▷
Раскрашенная гравюра С. Шифляра по оригиналу
М. Иванова. Конец XVIII в.

Памятная медаль в честь побед А. В. Суворова. На
лицевой стороне изображение Суворова; на оборотной
— надписи: Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил.
Художник К. Леберехт.
Бронза, чеканка.
1791 г.

◁ „Карта турецких крепостей на Дунае, посвященная сражению при Мачине 28 июня (9 июля) 1791 г.“.
Раскрашенная гравюра. Австрия. 1790-е гг.

М. И. Кутузов,
Миниатюра по гравюре Ф. Боллингера с оригинала
К. Розентреттера. Акварель, гуашь, кость. 1-я четверть XIX в.

◁
Наградные ковши, пожалованные Екатериной II полковнику
Донского казачьего войска Карпу Денисову и старшине Евдокиму
Карпову „За верную службу“. Золоченое серебро, чеканка, чернь.
Конец VIII в.

Памятная медаль „Мир с Портою” — на
заключение Ясского договора с Турцией.
Художник К. Леберехт.
Бронза, чеканка. 1791 г.

Торжественное шествие императорского российского посольства
королю Киатгану в Перу близ Константинополя”.
Гравюра Кошкина по оригиналу К. Маера.
Конец XVIII в.

„Панорама Константинополя — столицы
Отоманской империи”. Австрийская гравюра.
Конец XVIII в.

CONSTAN

NOPOLIS

По возвращении из Турции в Петербург Кутузову был назначен директором Кадетского корпуса. Указ Екатерины II гласил: „Нашему генерал-поручику Михайле Голенищеву-Кутузову всемилостивейше повелеваем быть главным директором Сухопутного кадетского корпуса под собственным нашим ведением“. Как генерал с большим боевым опытом и обширными знаниями, Кутузов провел реорганизацию корпуса, максимально приблизив обучение кадетов к нуждам боевой службы. Особое внимание было обращено на военные дисциплины. В одном из распоряжений по корпусу Кутузов выражал уверенность, „что не погубят они в праздности драгоценного времени в классах, но приобретут знания, нужные благородному человеку во всяком состоянии: особливо в математике, теорию к военной практике относительную“. Как опытный военный педагог он много сделал для совершенствования учебного процесса, подготовки офицерских кадров русской армии.

Одновременно с руководством Сухопутным кадетским корпусом Екатерина II возложила на Кутузова обязанности командующего войсками в Финляндии.

Вступивший на престол Павел I в конце 1797 года направляет Кутузова в Берлин с ответственной миссией — подготовить условия для привлечения Пруссии на сторону России в борьбе против Франции. „При его уме и способностях, нам известных, должно надеяться, что он будет действовать с умеренностью и с прилежанием и с искусством воспользуется хорошим расположением короля в нашу пользу, — писал вице-канцлер А. Б. Куракин русскому посланнику в Берлине Н. П. Панину. Пробыв в Берлине у Фридриха-Вильгельма III два месяца, Кутузов успешно решил одну из важнейших задач внешней политики России — укрепил дружеские отношения с Пруссией, не допустил сближения ее с Францией. Все это способствовало вступлению Пруссии в антифранцузскую коалицию. По словам историка Ф. Синельникова, Кутузов „столь действовал неутомимо, столь делал свои представления настоятельно и выдерживал важность своего звания столь сильно и удачно, что менее, нежели в течение одного года, приведены были политические тогдашнего времени дела к желаемому концу наилучшим образом“.

Агрессивная политика Франции в Европе заставила русское правительство принять меры по укреплению своих западных границ. В конце 1799 года Кутузов был назначен Литовским военным губернатором

и инспектором инфантерии Литовской и Смоленской инспекций. В случае войны он должен был выступить в роли командующего одной из трех западных армий, перед которыми ставилась задача „положить вовремя ея ли бы до сего дошло, преграды успехам французского оружия...“

После убийства Павла I положение Кутузова резко переменялось. Александр I на короткое время назначил его Петербургским военным губернатором и инспектором инфантерии Финляндской инспекции. Однако уже в августе 1801 года Кутузов был отстранен от всех занимаемых должностей и уволен из армии, якобы, по состоянию здоровья. „Генерал от инфантерии Санкт-Петербургского военного губернатора, управляющего в здешней и Выборгской губерниях гражданской частью, Голенищев-Кутузова, по приключившейся ему болезни для поправления здоровья всемилостивейше увольняем его на год от всех должностей“ — сказано в указе Александра I Сенату. Подлинной причиной отставки скорее всего была осведомленность Кутузова о заговоре против Павла I его убийстве и причастности к этим событиям нового императора. В 1802 году Кутузов, оставив семью в Петербурге, уехал на Украину в свое имение Горошки на Волыни, где вынужден был прожить, по существу в изгнании, три года.

К началу XIX века характер войн, которые вела Франция, изменился. Пришедшая к власти французская буржуазия, выразителем интересов которой был Наполеон Бонапарт, превратила национально-освободительные войны в захватнические. „Империалистские войны Наполеона — писал В. И. Ленин, — продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к „свободному капитализму“.

Франция в начале XIX века вела войны почти со всеми крупными государствами Европы: Россией, Австрией, Пруссией, Испанией, Швецией, Англией. Союзниками России по третьей антифранцузской коалиции была Англия, Австрия, Швеция и Неаполитанское королевство. Основная тяжесть борьбы легла на Россию и Австрию. Во главе русской армии, направленной на помощь австрийским войскам, был поставлен Кутузов, несмотря на неприязнь Александра I к полководцу.

В августе 1805 года Кутузов получил инструкции о ведении войны с Францией, в соответствии с которыми был обязан „действовать со всею ревностью и исполняя беспрекословно повеления главнокомандующего австрийскими войсками“.

План войны, составленный австрийским генералитетом, был порочным — он основывался на устаревшей стратегии, не учитывал возможных действий Наполеона и носил оборонительный характер. Кутузов предложил Александру I свой план войны против Франции, главной идеей которого было наступление, ведение войны на территории противника. „Всякая медлительность и нерешительность, — писал Кутузов императору, — причиняет совершенную гибель, а паче в теперешнее время, когда вся Европа не знает, что может Бонапарт в случае с ними сделать...“ План Кутузова не был принят, и это пагубно сказалось на всем ходе войны.

В августе 1805 года русская армия численностью около 50 тысяч

выступила в Баварию на соединение с австрийцами. Преодолев семидесятикилометровый путь, она в октябре достигла г. Браунау. В это время австрийские войска находились в районе г. Ульма. Кутузову оставалось пройти несколько переходов, чтобы соединиться с австрийцами. Наполеон, совершив стремительный марш, крупными силами обогнал австрийскую армию зрц-герцога Фердинанда, которой фактически командовал генерал Макк, и под угрозой разгрома заставил ее капитулировать. Тридцатитысячная армия австрийцев перестала существовать. Генерал Макк попал в плен и был отпущен Наполеоном под честное слово не воевать больше против Франции.

Ульмская катастрофа поставила русскую армию в крайне тяжелое положение: 50-тысячной армии Кутузова противостояла 150-тысячная армия Наполеона, армия нового типа, закаленная в боях, вдохновленная идеями Великой французской буржуазной революции.

Кутузов принял единственно правильное решение — отойти на соединение со второй русской армией под командованием генерала Ф. Ф. Буксгевдена, подходившей из России. Смело маневрируя, ведя тяжелые оборонительные бои (в которых особенно отличились войска П. И. Багратиона и М. А. Милорадовича под Кремсом и Шенграбенем), армия Кутузова вышла к Ольмюнцу и соединилась с основными силами Буксгевдена. Все попытки Наполеона окружить русскую армию были безуспешными.

В истории военного искусства отступление русской армии от Браунау к Ольмюнцу считается выдающимся образцом стратегического маневрирования, в результате которого соотношения сил изменились в пользу союзников: Наполеон к Ольмюнцу имел только 50 тысяч человек, силы же Кутузова вместе с австрийцами возросли до 86 тысяч. „Сия ретирада по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий новейшего времени“, — вспоминал участник войны 1805 года А. П. Ермолов. „Классически геройским“ назвал этот марш-маневр французский маршал Мармон. На военном совете в Ольмюнце Кутузов, учитывая слабость войск и усиление наполеоновской армии новыми силами, предложил отступить дальше. На вопрос, где же предполагает он дать бой, Кутузов отвечал: „Где соединюсь с Беннигсеном и пруссаками; чем далее завлечем Наполеона, тем будет он слабее, отдастся от своих резервов, и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов“.

К сожалению, план Кутузова был отвергнут австрийцами и Александром I, который, мечтая о полководческой славе Наполеона, вместе с Францем I прибыл в армию и фактически отстранил Кутузова от руководства войсками. В результате было принято ошибочное решение — немедленно выступить против Наполеона, двинув все силы к Аустерлицу. План наступления союзников, составленный австрийским генералом Ф. Райтерером, был рассчитан на пассивные действия Наполеона, не учитывал особенностей местности в районе Аустерлица. „Союзники приняли план сражения против армии, которой не видели, предполагая ее на позиции, которой она не занимала, и, сверх того, рассчитывали на то, что французы останутся настолько же неподвижными, как пограничные голбы“, — так оценил этот план Ф. Булов — один из видных прусских генералов того времени.

Кутузов доказывал, что нельзя начинать сражение, пока не будет

точно выяснено расположение противника, его боевые силы, требовал держать русские и австрийские войска более сосредоточенно, избегать сложных маневров в непосредственной близости от французских войска. Его доводы не были приняты во внимание.

Сражение произошло 20 ноября (2 декабря) 1805 года. Не спас положение героизм русских солдат и офицеров, боевой опыт М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, Д. С. Дохтурова, М. А. Милорадовича — талантливых генералов русской армии. Наполеон, хорошо осведомленный о планах союзников, ударом в центр прорвал фронт союзных войска и заставил их сражаться с перевернутым фронтом. В результате русско-австрийские войска потерпели сокрушительное поражение. Только благодаря мужеству и стойкости русских солдат Наполеону не удалось осуществить план полного разгрома союзных армий, хотя потери были огромны: русские потеряли 21 тысячу убитыми и ранеными, австрийцы — около 6 тысяч человек. Поражение под Аустерлицем привело к развалу антифранцузской коалиции и заключению сепаратного договора между Австрией и Францией.

Оценивая действия Кутузова в этой войне, советский историк П. А. Жилин подчеркивал: „Кампания 1805 г. — убедительный пример того, как лишение полноты власти главнокомандующего, то есть нарушение основного принципа единоначалия, может пагубно отразиться на ходе боя, сражения, операции и войны в целом“.

Вину за поражение Александр I переложил на Кутузова. В 1812 году, когда русская армия громила наполеоновские войска, фельдмаршал, тяжело переживавший поражение при Аустерлице, заметив на одном из трофейных знамен надпись „За победу под Аустерлицем“, сказал окружающим его офицерам: „Вы молодцы, переживете меня и будете слышать рассказы о наших войнах. После всего, что совершается теперь, перед нашими глазами, одной выигранной мной победой или одной понесенной мною неудачей больше или меньше, — все равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении“.

В начале 1806 года русская армия вернулась на родину. Кутузов снова оказался в опале, был отстранен от командования войсками и назначен Киевским военным губернатором, а затем, после недолгого пребывания в Молдавской армии в 1808 году — Литовским генерал-губернатором.

В русско-турецких войнах 2-й половины XVIII века, носивших объективно-прогрессивный характер, Россия вернула захваченные земли Северного Причерноморья, так как ее политика определялась „ее историческим прошлым, ее географическим положением, необходимостью для нее иметь открытые гавани в Архипелаге, как и в Балтийском море“, — отмечал Ф. Энгельс. Но Турция не хотела мириться с утратой причерноморских территорий и Крыма. Поэтому, опираясь на поддержку Франции, используя сложное положение России, занятой борьбой с Наполеоном в Европе, она в 1806 году расторгла все соглашения с Россией и объявила ей войну. Война приняла затяжной характер и длилась по 1812 год. Генералы А. А. Прозоровский, П. И. Багратион, Н. М. Каменский, А. Ф. Ланжерон, командующие русскими войсками в разные годы, не смогли одержать решающей победы и заставить турок пойти на заключение мира. В обстановке приближающейся войны с Францией

Александр I вынужден был назначить командующим Молдавской армией Кутузова — лучшего русского генерала того времени. „Александр мог не любить Кутузова, но он нуждался в уме и таланте Кутузова и в его репутации в армии, где его считали прямым наследником Суворова“, — отмечал академик Е. В. Тарле.

В начале 1811 года Кутузов прибыл в Бухарест и вступил в должность главнокомандующего армией, насчитывавшей 45 тысяч солдат. К этому времени она была значительно ослаблена — почти половину ее состава отозвали на борьбу с Наполеоном. „Оборонительная наша линия, — писал Кутузов военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли, — четырьмя дивизиями защищаемая, начинается... от Белграда и продолжается до Днестра, занимая по изгибам Дуная около тысячи верст“. Численность турецких войск, которыми командовал верховный визирь Ахмет-паша, достигала 80 тысяч человек.

Главная задача, которую предстояло решить Кутузову, заключалась в скорейшем окончании войны и заключении выгодного для России мира. Для ее решения необходимо было разгромить турецкую армию.

Кутузов был новатором в военном искусстве. Учитывая реальную обстановку и соотношение сил, он смело ликвидировал кордонное расположение русской армии вдоль берега Дуная и решительно отверг тактику борьбы за турецкие крепости, которая привела к распылению малочисленных сил и не дала положительных результатов. Стратегический замысел Кутузова заключался в том, чтобы, собрав основные силы и убедив противника в своей слабости, заманить турок на левый берег Дуная, окружить армию Ахмет-паши и принудить ее к капитуляции.

Проводя план в жизнь, Кутузов приказал отвести все свои войска с правого берега Дуная, взорвать крепости Никополь и Силистрию, сохранив за собою только Рушук как своеобразную приманку для турок. „Может быть, визирь, собрав знатные силы, вознамерится приблизиться к Рушуку, тогда я поведу все при мне находящиеся войска навстречу к нему в поле“, — доносил Кутузов императору.

Узнав, что турки поверили в его хитрость и начали стягивать свои силы к Дунаю, Кутузов 1 (13) июня 1811 года скрытно переправил на правый берег к Рушуку 15 тысяч солдат при 114 орудиях и занял боевые позиции перед крепостью, имея за спиной Дунай. Несмотря на четырехкратный перевес турецких сил и неудобные боевые позиции, Кутузов верил в успех. В Рушукском сражении правым флангом командовал П. К. Эссен, левым — А. Ф. Ланжерон, конницей — А. Л. Воинов. Утром 2 (14) июня турецкая конница под прикрытием тумана атаковала русские позиции. В отражении первого натиска вражеских войск особенно отличилась кавалерия генерала Воинова. „В сем бою, — писал Кутузов, — несмотря на чрезвычайное неравенство, кавалерия наша не упустила ни шагу“, а генерал Воинов „искусным своим распоряжением с малым числом легких войск своих не дал многочисленному неприятелю, состоявшему из отборной кавалерии, нигде поверхности“.

Через день сражение возобновилось с новой силой. Пять раз пытались турки обойти фланги русской армии, отрезать ее от Рушук, прижать к берегу Дуная и уничтожить. Но безуспешно. Ожесточенное сражение продолжалось 12 часов и закончилось полным поражением турецких войск. „Неприятель был со всюю стремительностию решительно

атакован, опрокинут, прогнан до самой его линии, и за дерзновение свое принужден был дорого заплатить“, — докладывал Кутузов генералу Воинову. Турки потеряли убитыми и ранеными более 4 тысяч человек, русские — около 500 человек. Сообщая об этом русскому послу в Париже А. Б. Куракину, Кутузов писал: „Победа осталась совершенно на нашей стороне, и войска, под начальством моих стоящие, в сей день увенчали себя новыми неувядаемыми лаврами“.

Через три дня после победы Кутузов, взорвав укрепления Рушук, снова отвел свою армию на левый берег Дуная, стараясь видимостью отступления заманить турок за Дунай. Ахмет-паша, не разгадав замысла Кутузова, решил перенести боевые действия на левый берег и переправил через Дунай у Слободзеи 40 тысяч человек, которые и были блокированы русской армией. Все попытки противника расширить плацдарм в районе Слободзеи были безуспешны. „Я окружил его редутами и позади оных поставил пехоту и кавалерию, таким образом, что ежели он намерен будет что предпринять, то должен иметь дело с сими редутами и с войском, позади их расположенным“, — докладывал Кутузов военному министру. Чтобы полностью окружить турок, лишить их переправ и снабжения, Кутузов направил отряд генерала Е. И. Маркова на правый берег с целью разгромить турецкий лагерь у Рушук, насчитывавший до 20 тысяч человек. „Назначаю вас, — сказано в приказе Маркову, — в важную экспедицию за Дунай в поиск на неприятеля, под командою верховного визиря состоящего. Уделяя вам до семи тысяч войска из главного корпуса, делаю все то, что могу только уделить, не ослабевая совершенно моей позиции... Поручаю вашему превосходительству важнейшую экспедицию, успех которой... может иметь влияние на блистательное окончание нынешней кампании“.

Переправившись через Дунай в 18 км западнее Рушук, отряд Маркова 14 (26) октября стремительно атаковал турецкий лагерь и разгромил его. „Благоразумие и быстрота генерала Маркова превосходят все похвалы. Все войска наши на левом берегу Дуная были свидетелями ужасного, который распространился по всему турецкому лагерю“, — докладывал Кутузов в Петербург.

Положение окруженных войск Ахмет-паши оказалось безвыходным. Лишенная продовольствия и боеприпасов, турецкая армия в ноябре 1811 года вынуждена была капитулировать. Начались переговоры о мире, длившиеся еще полгода. В их успешном завершении сыграли исключительную роль дипломатические способности русского главнокомандующего. Преодолевая многочисленные трудности, которые чинила западноевропейская дипломатия, в особенности французская, Кутузову удалось подписать в Бухаресте 16 (28) мая 1812 года выгодный для России договор — всего за месяц до вторжения наполеоновской армии в нашу страну. По условиям мирного договора Турция отказалась воевать против России совместно с Францией. Россия получала Бессарабию с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил. Граница с Турцией устанавливалась по реке Прут. Молдавия и Валахия сохраняли все привилегии в соответствии с Ясским мирным договором, Сербия получила автономию в вопросах внутреннего самоуправления. Подтверждались все прежние русско-турецкие договоры и соглашения.

В годы русско-турецкой войны резко усилилась национально-осво-

Идетелная борьба балканских народов против османского владычества, рассчитывавших на помощь русского народа: „Серб, болгарин, македонский «райя», крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке“, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Особенно активно действовали сербы, поднявшие в 1804 году восстание во главе которого стал Кара Георгий Петрович. Кутузов всячески стремился помочь восставшим, объединить борьбу балканских славян в действиями русской армии. Он оказывал восставшей Сербии военную, дипломатическую и экономическую помощь. В Сербию был направлен специальный отряд русских войск из шести батальонов, поставлялись боеприпасы, оружие, пушки, выделялись деньги. Сербские войска, действовавшие совместно с русскими, нанесли в октябре 1811 года поражение туркам под крепостью Ниш, одержали ряд других побед. В то же время в инструкции генералу Воинову Кутузов указывал: „В дела до управления земли сербской касающиеся... отнюдь не мешаться и выполнение сего с самой строжайшей точностию особенному вниманию нашему поставляю, дабы не подать ни сербам, ни австрийцам малейшего подозрения будто бы мы желаем утвердить в Сербии наше владычество“. Во время переговоров с турками Кутузов настойчиво отстаивал интересы сербского народа.

Своей деятельностью Кутузов способствовал укреплению дружбы между русским и болгарским народами. Болгары активно участвовали в национально-освободительной борьбе, всячески помогая русской армии. По инициативе Кутузова были созданы болгарские добровольческие формирования, получившие название Земского войска. В связи с их созданием Кутузов доносил в Петербург: „Из числа переселившихся болгар из-за Дуная многие изъявили желание вооружиться и действовать с нами... Нужным считаю для защиты левого берега Дуная около Турно вооружить таковых желающих болгар; а примеру их, надеюсь я, последуют и другие болгары... Зная качества сего народа, твердо и к опасностям и лишениям приобикшего, ожидаю от них лучшей пользы“. Кутузов организовал переселение болгар на левый берег Дуная, чем спас жизнь десяткам тысяч людей, преследовавшихся турками.

Дальновидная и реалистическая политика Кутузова на Балканах, разнообразная помощь сербам и болгарам способствовали укреплению дружбы и боевого сотрудничества с русским народом и составляют яркую страницу его боевой и дипломатической деятельности.

В русско-турецкой войне 1806—1812 гг. вновь широко раскрылся полководческий дар Кутузова, его дипломатический талант. Исходя из конкретных условий, он находил и смело применял новые стратегические формы борьбы, новые тактические приемы, что неизменно приносило ему победу. По оценке современников, „в сем походе, который навеки останется школою для всех тактиков, Кутузов показал себя во всем блеске чудесного своего величия... Какая глубокая проницательность, какая редкая способность соображать случаи, каков чудесное искусство потребны были для того, чтобы с 30 тысячами человек прикрывать все завоеванные области и крепости, выманить турков из гор, унич-

тожить хитрые распоряжения мужественного визиря, с 20 тысячами разбить его на открытом поле под Рущуком, завести его в расставленные сети на левом берегу Дуная при Слободзее, запретить его, истребить все его средства за Дунаем, овладеть Силистриею и Туртукаем, совершенно отрезать его армию и в то же время прикрывать Малую Валахию, наконец... принудить (турецкие войска — А. К.) со всеми начальниками, со всею артиллериею к сдаче на волю победителя. Сей великий план начертан и исполнен Кутузовым“.

Что же касается отношения царя к полководцу, оно осталось прежним: как только нужда в Кутузове отпала, он был заменен адмиралом П. В. Чичаговым и отозван из армии в Петербург. Но все же, в качестве награды, Кутузов был возведен в княжеское достоинство.

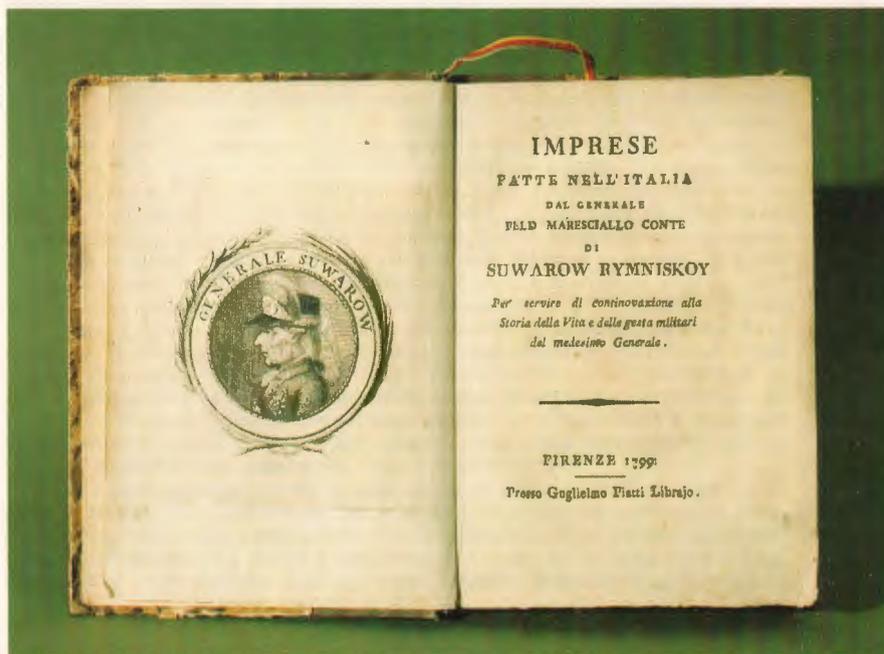

Учебные пособия по инженерному и артиллерийскому делу для офицеров и кадет — „Полевая фортификация” Г. Басина и „Артиллерийские предложения” И. Вельяшева-Волынцева. 1798, 1777 гг.

„Сражение при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г.”
Раскрашенная гравюра И. Ругендаса
1810-е гг.

Секстант, телескоп, угломер — приборы, какими пользовались кадеты Сухопутного и Морского корпусов. Латунь. 2-я половина XVIII в.

Книга „Итальянский поход фельдмаршала графа Суворова-Рымникского”.
Флоренция. 1799 г.

△
„Вид г. Киева“.
Литография середины XIX в. по
оригиналу В. Христофорова.

Бумажник М. И. Кутузова.
Шитье шелком.
Начало XIX в.

Походный самовар М. И. Кутузова.
Медь, резьба.
Начало XIX в.

Походный столовый прибор М. И. Кутузова,
подаренный ему, по преданию, А. В. Суворовым.
Золоченый металл. Конец XVIII в.

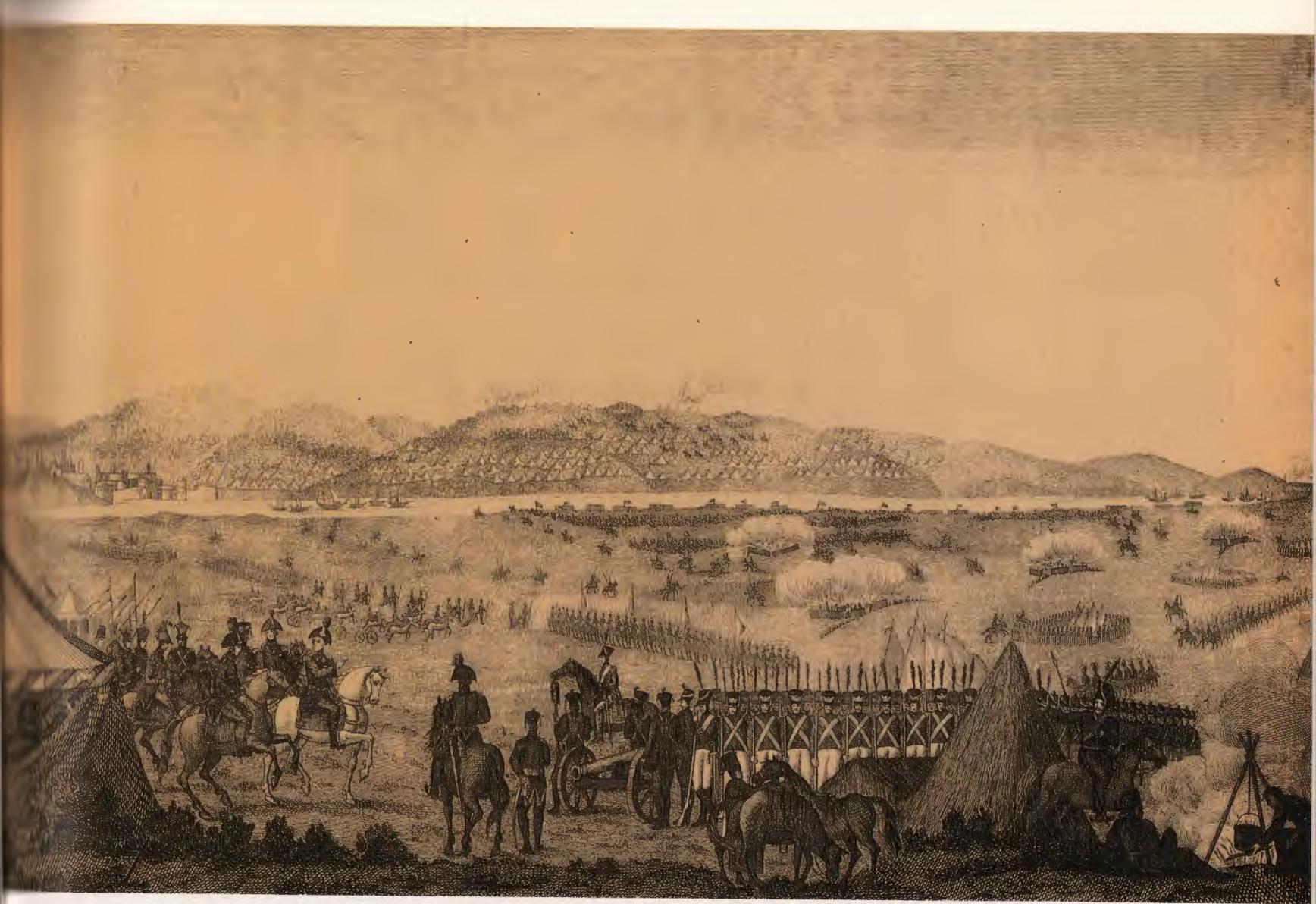
Литоґ. Песоцкаго штаб-а. Герцогиня.

△
Е. И. Марков (1769—1828).
Литоґрафия Песоцкаго по оригиналу
Клюквина. 1840-е гг.

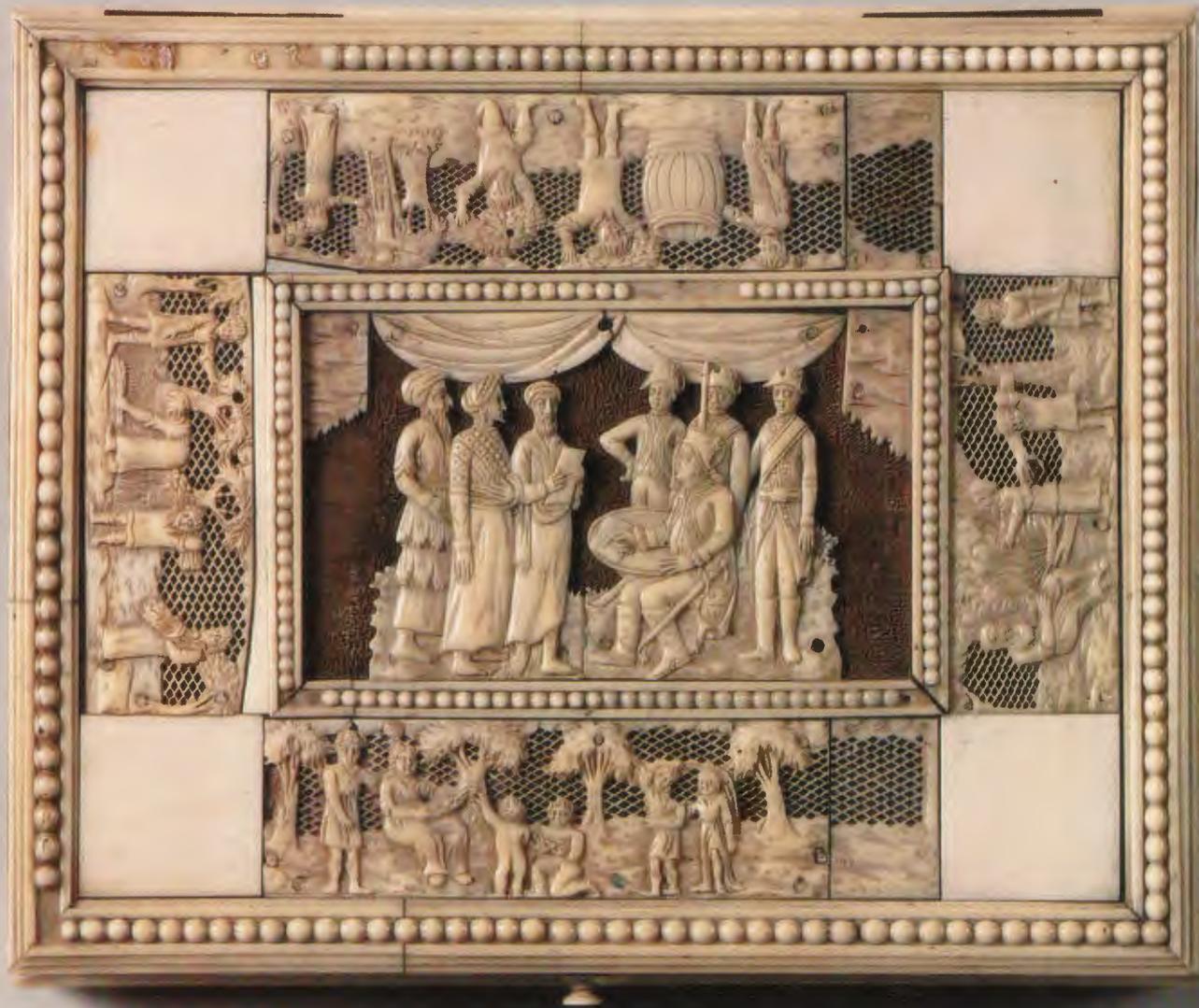

Литоґ. Песоцкаго

△
А. Л. Воинов (ок. 1770—1832).
Литоґрафия Песоцкаго по оригиналу
Клюквина. 1840-е гг.

△
„Сражение при Слободзее. 14 (26) октября 1811 г.“.
Гравюра неизвестного художника.
Начало XIX в.

Тулка.
 Рышке композиция „Кутузов принимает
 цких послов“. Неизвестный художник.
 жовья и слоновая кость, резьба. Начало XIX в.

▷
 М. И. Кутузов.
 Раскрашенная гравюра Ф. Боллингера по оригиналу
 Смита.
 1810-е гг.

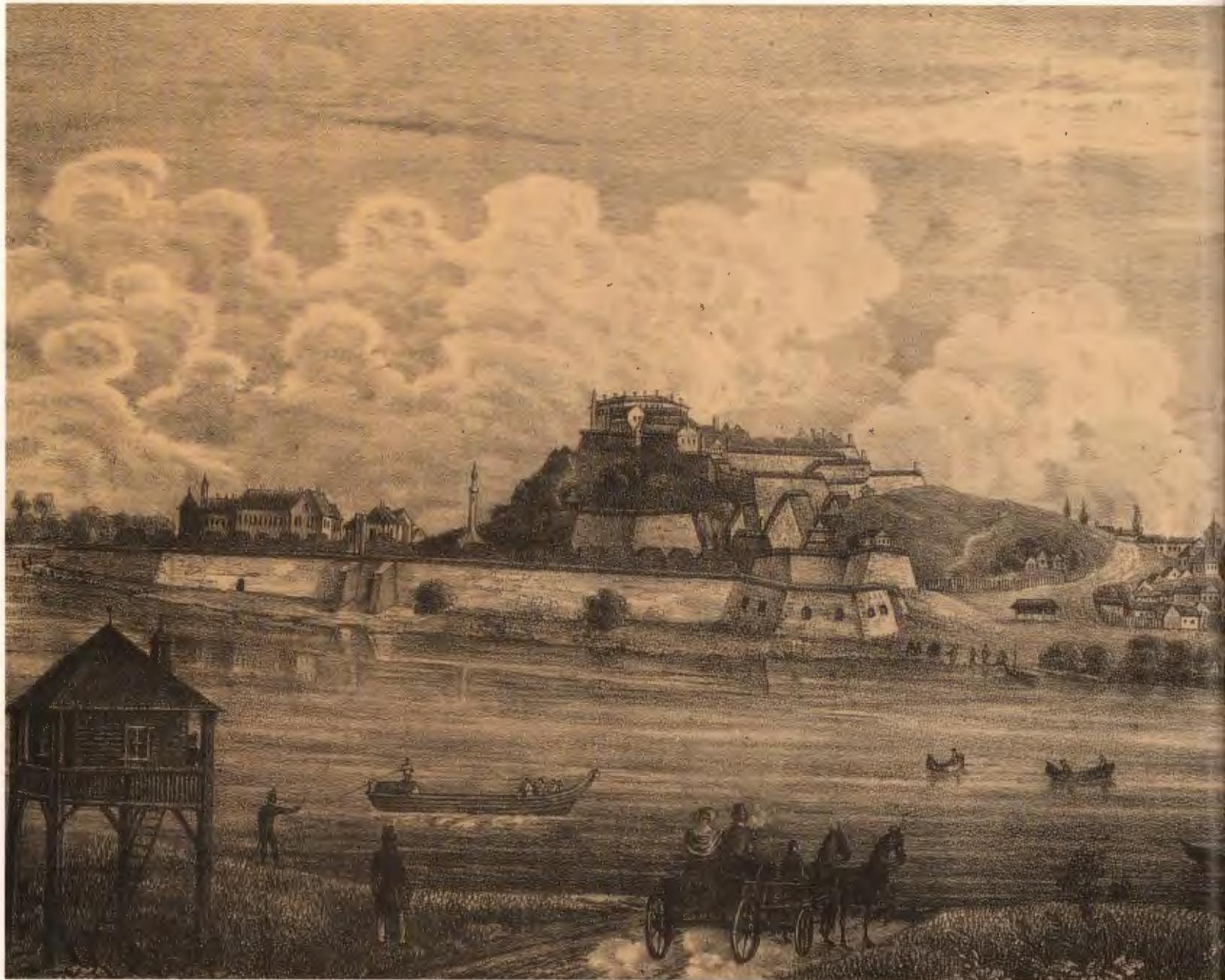

▲
 М. И. Кутузов перед бюстом Екатерины II".
 Миниатюра неизвестного художника.
 Акварель, гуашь, кость. Первая четверть XIX в.

*Fürst Kutusow Smolenskoï
 Generalissimus der Russischen
 Armee.*

Im Verlag bei Gaspard Wegß et Co. u. J. Bapt. Wegß zu Berlin

Оружие балканских народов: ружья, пистолеты, сабли, ятаганы, \triangleright
пороховницы.
Металл, серебро, позолота, кораллы.
Конец XVIII — начало XIX вв.

Пистолеты кремневые — оружие сербских
инстанцев.
Металл, серебро, позолота, кораллы.
Начало XIX в.

Ружья солдат русской армии. \triangleright
Сталь, дерево.
Начало XIX в.

Крепость Калемегдан
и Белграде — столице Сербии".
Австрия. Литография.
Середина XIX в.

Анализируя агрессивную политику наполеоновской Франции, В. И. Ленин писал: "... когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона".

Важнейшей национально-освободительной войной в начале XIX века, в которой решалась судьба не только России, но и Европы, была Отечественная война 1812 года.

На западной русской границе к июню 1812 года были сосредоточены три мощные группировки французских войск, имевшие 500 тысяч человек пехоты и кавалерии при 1372 орудиях. Разрабатывая план похода, Наполеон рассчитывал стремительным ударом разгромить русские войска в приграничных сражениях, поставить Россию на колени и тем самым еще более укрепить свое могущество в Европе.

12 (24) июня 1812 года наполеоновская армия перешла через Неман и вторглась в пределы России. Главный удар французских войск был направлен на Москву.

Война для России началась в невыгодной стратегической обстановке, при неблагоприятном соотношении сил. Численность русских войск на западной границе составляла 300 тысяч солдат при 1200 орудиях, растянутых на широком фронте от Черного до Балтийского морей. Разработанные в Петербурге планы войны имели ряд серьезных просчетов в организации обороны страны. Это создало для русской армии огромные трудности и стало причиной ее отступления. Оценивая обстановку в начале войны, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что отступление русских войск было "... делом не свободного выбора, а суровой необходимости".

Западную границу страны защищали три армии: 1-я Западная армия генерала М. Б. Барклая-де-Толли была расположена в Литве и прикрывала Петербургское направление; 2-я Западная армия генерала П. И. Багратиона прикрывала Московское направление и дислоцировалась в Белоруссии; 3-я Западная армия под командованием генерала А. П. Тормасова, расположенная на Украине, защищала Киевское направление. Помимо этого в Валахии находилась Дунайская армия под командованием адмирала П. В. Чичагова, которой в начале войны был отдан

приказ соединиться с 3-й Западной армией и действовать на юго-западном направлении. Для прикрытия дороги на Петербург из состава 1-й Западной армии был выделен 1-й пехотный корпус генерала П. Х. Витгенштейна.

Основная тяжесть первых месяцев войны легла на 1-ю и 2-ю Западные армии. Генералы Барклай-де-Толли и Багратион вынуждены были с боями отступать в глубь территории на большом удалении друг от друга. Ведя непрерывные арьергардные бои с противником, совершая сложные марш-маневры, русские войска в начале августа соединились в районе Смоленска и тем самым сорвали стратегический замысел Наполеона разбить 1-ю и 2-ю армии пордночке и принудить Россию к капитуляции.

Двое суток — 4—5 (16—17) августа 1812 года шли упорные и кровопролитные бои за Смоленск. Против 130 тысяч русских в районе Смоленска Наполеон бросил около 150 тысяч своих солдат. Войска генералов Н. Н. Раевского и Д. С. Дохтурова, оборонявшие город, активно поддерживали ополченцы и жители. Обнесенный старинной крепостной стеной, Смоленск оказал врагу упорное сопротивление. Все попытки французов взять город штурмом были отбиты его защитниками. Наполеоновские маршалы потеряли в этом бою убитыми и ранеными до 20 тысяч солдат и офицеров.

Смоленск был оставлен по приказу Барклая-де-Толли, считавшего, что дальнейшая оборона города может сковать основные силы армии и позволит Наполеону, обладавшему численным превосходством, зайти в тыл русских войск. Переправившись через Днепр, русская армия прикрыла Московское стратегическое направление.

Война вызвала небывалый патриотический подъем в русском народе. Известный декабрист И. Д. Якушкин писал: „Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгнувшихся в Россию галлов и с ними двундесять языцы, если бы народ по-прежнему оставался в оцепенении“.

Одним из проявлений патриотического подъема в стране было создание народного ополчения. 6 (18) июля был опубликован манифест „О сборе внутри государства земского ополчения“, в соответствии с которым народные ополчения были созданы в 16 губерниях России.

Вскоре после начала войны Дворянские собрания Петербурга и Московского ополчений. Согласно указу императора Александра I Кутузов принял начальство над Петербургским ополчением и в течение месяца создавал ополченческие дружины, вооружая и обучая их военному делу.

Ополченцы приняли активное участие в боевых действиях 1812 года на территории России и в заграничных походах 1813—1814 гг.

Отступление русских войск, потери обширных территорий вызвали растущее недовольство в армии, среди дворянства и в широких народных массах деятельностью правительства по руководству военными операциями, отсутствием единого командования в действующей армии. Все настойчивее звучали требования о назначении главнокомандующим Кутузова. Специально созданный Чрезвычайный комитет для решения вопроса, кому вручить судьбу армии и России, заявил, что члены комитета

единогласно убеждаются предложить к сему избранию генерала от пехоты князя Кутузова". Александр I, вопреки своему желанию, 20 августа утвердил решение Чрезвычайного комитета и подписал указ о назначении Кутузова главнокомандующим. Одновременно с этим он писал сестре: „В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова. Это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 [17] августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией — мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас”.

Кутузов прибыл в армию 17 (29) августа и принял командование. Его приезд был встречен всеобщим ликованием. „Пришел Кутузов бить французов,” — говорили солдаты.

Выгодные позиции для сражения были найдены в районе села Бородино, близ г. Можайска, в 120 километрах от Москвы. Заняв их, русские войска прикрыли ведущие к Москве Старую и Новую Смоленские дороги. 23 августа (4 сентября) Кутузов докладывал царю: „Позиция, в которой я остановился при деревне Бородино в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе”.

Бородинскую битву по количеству участников, ожесточению и последствиям можно сравнить с немногими сражениями за всю мировую историю. Силы противников были примерно равны. Французская армия насчитывала 135 тысяч солдат и 587 орудий. Ей противостояла русская армия в 155 тысяч воинов, имевшая в том числе около 30 тысяч ратников Московского и Смоленского ополчений и 624 орудия. На Бородинском поле на 30 км² сошлись в смертельной схватке свыше 250 тысяч человек, поддержанных огнем более 1200 орудий. Наполеон рассматривал Бородинское сражение как возможность одним ударом решить войну в свою пользу. Его план заключался в том, чтобы, прорвав русские позиции на левом фланге и в центре, оттеснить армию Кутузова в излучину Москвы-реки при впадении в нее р. Колочи и уничтожить. Кутузов поставил перед войсками задачу измотать и обескровить врага в оборонительном сражении с тем, чтобы в благоприятный момент перехватить инициативу и перейти в контрнаступление.

В соответствии с диспозицией главнокомандующего, составленной накануне Бородинского сражения, русские войска делились на четыре большие группы, способные действовать самостоятельно или во взаимодействии друг с другом.

Войска правого фланга под командованием генерала Милорадовича составляли 1-ю группу; войска центра во главе с генералом Дохтуровым — 2-ю группу. Общее руководство этими войсками осуществлял Барклай-де-Толли. 2-я Западная армия под командованием Багратиона составляла 3-ю группу и защищала левый фланг; в 4-ю группу входили резервы, находившиеся в распоряжении Кутузова.

Бородинское сражение 26 августа (7 сентября) 1812 года можно условно разделить на четыре этапа: 1-й — с 5 до 9 часов утра — француз-

ская армия наносит главный удар по левому флангу русских войск, однако ей не удается прорвать фронт войск генерала Багратиона; 2-й — с 9 до 12 часов — Наполеон направляет главный удар против центра русских войск в районе батареи Раевского, где несет огромные потери, но не может прорвать позиции русских; 3-й — с 12 до 14 часов — действия русской кавалерии генерала Ф. П. Уварова и казаков атамана М. И. Платова на левом фланге неприятельских войск, предпринятые для облегчения положения центральных позиций и возможности подтянуть резервы; 4-й — с 14 до 18 часов — безуспешное наступление французов против центра русской армии, борьба за батарею Раевского, окончание сражения.

При Бородине Наполеон должен был атаковать русские позиции в лоб на узком фронте под огнем артиллерии, занявшей господствовавшие над полем высоты, что привело к уничтожению лучших сил его армии.

Бородинское сражение дало множество примеров массового и личного героизма русских солдат, офицеров и генералов. С исключительной храбростью и упорством сражалась пехота. Активно маневрируя, успешно действовала кавалерия. Артиллерия, поставленная на подготовленных позициях, являлась опорой всего боевого порядка русской армии. Солдатам и офицерам не уступали в мужестве и крупных военных чинах, личным примером вдохновляя своих подчиненных. „Корпуса Багратиона стояли против Даву и Нея. Русский князь... отбил многие атаки наших колонн. Направляясь к пунктам, наиболее угрожаемым, он возбуждал своим примером гренадер Воронцова, дивизию Неверовского, войска Коновницына”, — свидетельствовал французский генерал Пеле. Во время восьмой атаки французов на Семеновские флеши генерал Багратион был тяжело ранен. Дохтуров, „...приняв командование 2-й армией после князя Багратиона, распоряжениями своими превозмог все стремления неприятеля на левое наше крыло и с прибытия его к месту не потерял ни шагу принятой им позиции”, — говорил Кутузов об этом героическом сражении. „Чугун дробил, но не колебал груди русских, лично оживляемых присутствием Барклая-де-Толли. Вряд ли оставалось в центре опаснее место, где бы он не распоряжался и где бы был полк, — ободренный словами и примером его. Под ним убито пять лошадей”, — вспоминал один из участников сражения. Когда французы ворвались на батарею Раевского, находившиеся поблизости начальник штаба 1-й армии генерал-майор А. П. Ермолов и начальник артиллерии генерал-майор А. И. Кутайсов, „не дав неприятелю на батарее утвердиться, взяли батальон Уфимского полка и, устроив отступающих сколь можно скорее в колонны, подавая личный пример собою, ударили в штыки”, — отмечал Кутузов. Батарея была отбита. Генерал Кутайсов заплатил за этот успех жизнь.

Оборона Курганной высоты, находившейся в центре поля сражения и господствовавшей над окружающей местностью, осуществлялась корпусом генерала Н. Н. Раевского. В течение всего дня Раевский, „как храбрый и достойный генерал, с отличным мужеством отражал неприятеля, подавая собою пример”, — так оценил его роль в сражении Кутузов.

В историю сражения Курганная высота, которую занимала русская артиллерия, вошла под названием батареи Раевского. Три четверти сво-

их потерь при Бородине французы понесли в атаках на эту батарею и Семеновские флеши.

К ночи сражение затихло. Французы отступили на прежние позиции, не решив поставленной задачи — уничтожить русскую армию.

Л. Н. Толстой в „Войне и мире“ так описывает конец Бородинского сражения: „Несколько десятков тысяч человек лежало мертвыми в разных положениях и мундирах на полях и лугах, на которых сотни лет одновременно собирали урожаи и пасли скот крестьяне деревень Бородина, Горок, Шевардина и Семеновского. Над всем полем прежде столь весело-красивом с его блестящими штыков и дымами в утреннем солнце стояла теперь мгла сырости и дыма и пахло странною кислотой селитры и крови.“

Не один Наполеон... но все генералы, все участвовавшие и неучаствовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдвастеро меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который потеряв половину войска, стоял также грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской атакующей армии была истощена...

Прямым следствием Бородинского сражения было бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника“.

Потери французов убитыми составили 50 тысяч солдат, 1600 офицеров и 47 генералов. Русская армия потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести 38 тысяч солдат, 1500 офицеров и 29 генералов, в том числе командующего 3-м пехотным корпусом Н. А. Тучкова, начальника артиллерии 1-й Западной армии А. И. Кутайсова и командующего 2-й Западной армией П. И. Багратиона.

В донесении Александру I 29 августа (10 сентября) Кутузов писал: „Баталия, 26 числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать“.

Говоря о Бородинском сражении, Наполеон вынужден был признать: „Из пятидесяти сражений, данных мною, в битве под Москвою выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех“.

За Бородино Кутузов был возведен в чин генерал-фельдмаршала.

Оценивая Бородинское сражение как крупнейшее событие Отечественной войны 1812 года, историк П. А. Жилин пишет: „Следует подчеркнуть по крайней мере три главных результата. Во-первых, наполеоновской армии не удалось сломить сопротивление русских, разгромить их и открыть себе свободный путь к Москве. Во-вторых, русская армия вывела у противника из строя почти половину его войск. И, наконец, в-третьих, на Бородинском поле французская армия понесла невосполнимое моральное потрясение...“

Кутузов, не получив новых резервов и зная, что к Наполеону подходят свежие силы, вынужден был возобновить отход русской армии. В приказе о Бородинском сражении главнокомандующий объяснил это так:

„Ныне, нанеся ужаснейшее поражение врагу нашему, мы дадим намеченному с помощью божией конечный удар. Для сего войска наши идут навстречу свежим войнам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем“.

После отхода русских войск от Бородина встал вопрос о судьбе Москвы. 30 августа (11 сентября) Кутузов писал Ф. В. Ростопчину: „Мы приближаемся к генеральному сражению у Москвы“. И просил прислать как можно скорее „столько батарейных орудий, сколько есть в Московском арсенале с ящиками и зарядами“. До последнего момента фельдмаршал надеялся на получение свежих резервов — 80 тысяч ополченцев и вновь сформированных полков. Но московский генерал-губернатор не смог оказать Кутузову обещанную помощь резервами. Александр I, беспокоясь больше о Петербурге, не поставив вовремя в известность Кутузова, приказал генералам Д. И. Лобанову-Ростовскому и А. И. Клейнмихелю направить сформированные ими полки не к Москве, а в район г. Владимира.

Понимая, что битва за Москву может привести к невосполнимым потерям боевой силы русской армии, Кутузов на военном совете в Филях принял решение оставить Москву без боя, вопреки мнению большинства генералов. „С потерянью Москвы не потеряна еще Россия“, — сказал фельдмаршал участникам совета и добавил, что „первою обязанностию составляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю“. „Я весил Москву... с целой Россией и спасением Петербурга, и с свободою Европы“, — скажет Кутузов впоследствии.

Русская армия, осуществляя дальнейшие планы главнокомандующего, отошла из Москвы на юго-восток по Рязанской дороге. Затем, под прикрытием арьергарда, скрытно перешла на Калужскую дорогу и стала укрепленным лагерем юго-западнее Москвы в районе села Тарутино.

Фланговый марш-маневр русской армии поставил Наполеона в тяжелое положение. Для французских войск были закрыты пути в богатые продовольствием и фуражом южные районы страны. Были защищены Тульские и Брянские заводы, снабжавшие армию оружием и боеприпасами. Коммуникации Наполеона были поставлены под угрозу. Имея в тылу своих войск 100-тысячную армию Кутузова, Наполеон не решился нанести удар по Петербургу. В результате Тарутинского марш-маневра стратегическая обстановка была изменена в пользу русской армии.

Заняв Москву, Наполеон объявил город трофеем, и Москва, покинутая большинством жителей, была отдана на разграбление. С первых дней пребывания французских войск в Москве начались пожары, охватившие почти весь город и уничтожившие две трети (6500) зданий.

Пытаясь оправдать себя в мнении Европы и потомков, Наполеон решил переложить вину за уничтожение города на мирных жителей, которых беспощадно расстреливали как поджигателей. В ответ на такое утверждение генерала Лористона при встрече с Кутузовым фельдмаршал ответил: „Что же касается до московского пожара, я стар, опытен, пользуюсь доверенностью русского народа, и потому знаю, что в каждый день, в каждый час происходит в Москве... Жители причинили очень мало пожаров... Вы разрушали столицу по своей методе: определяли для поджога дни и назначали части города, которые надлежало зажигать“.

известные часы. Я имею подробные известия обо всем". Пожар Москвы поразил своим бессмысленным варварством не только Россию, но и Европу. „Император Наполеон, приказав сжечь Москву, совершил варварский поступок, вследствие которого с ужасом отвернутся от него современники и который покроет его позором в глазах потомков“, — писал маршал Франции и наследник шведского престола Ж. Бернадот. Мы становились армией преступников, которых осудит небо и весь цивилизованный мир“, — вспоминал Ф. Сегюр, один из наполеоновских дипломатов.

Между тем главнокомандующий усиленно готовил контрнаступление. За месяц численность русской армии удвоилась и достигла 120 тысяч солдат, а конница увеличилась в четыре раза. В распоряжение Кутузова поступило 200 тысяч ополченцев. Армия имела 622 орудия. Были позданы запасы оружия, обмундирования, продовольствия. За это время армия Наполеона потеряла около 30 тысяч человек и смогла выжить только 15 тысяч подкрепления. В тарутинский период войны каждый день русская армия получала в среднем до двух тысяч новых солдат, наполеоновская же теряла убитыми и пленными до полутора тысяч. Поэтому каждый день „тарутинского стояния“ Кутузов называл „золотым днем русской армии“.

В это время главнокомандующий выступает организатором и руководителем „малой войны“. Одним из инициаторов и теоретиков армейского партизанского движения был Д. В. Давыдов, подполковник Ахтырского гусарского полка, командир армейского партизанского отряда. В тылу противника успешно действовали отряды И. С. Дорохова, А. Н. Давыдова, А. С. Фигнера и других офицеров.

Справедливый характер Отечественной войны 1812 года вызвал широкое участие народных масс в борьбе против наполеоновской армии. Огромную роль в деле разгрома неприятеля сыграло крестьянское партизанское движение. Кутузов, понимая народный характер войны, способствовал развертыванию партизанского движения в районах, занятых противником. Крестьяне совместно с армейскими партизанскими отрядами блокировали французские гарнизоны, громили обозы с вооружением и продовольствием, уничтожали живую силу противника. Особенно широко шла партизанская война на территории Московской, Смоленской и Калужской губерний.

1812 год знает много героев-партизан. К числу наиболее известных крестьянских вожakov относится Герасим Курин, руководитель одного из крупнейших партизанских отрядов Московской губернии. Отряд насчитывал 5300 пеших и 500 конных партизан. Одним из самых известных отрядов Смоленщины был отряд Василисы Кожиной, „старостиhi Васиной“ — крестьянки Сычевского уезда. По сведениям местного предводителя дворянства с 19(31) августа по 25 октября (6 ноября), 1812 года начевские партизаны уничтожили 1754 наполеоновских солдата, 6 офицеров и взяли в плен 1009 человек. Действия крестьянских партизанских отрядов являлись составной частью „малой войны“, которую осуществлял Кутузов, чтобы ослабить наполеоновскую армию и подготовить условия для контрнаступления русских войск. За пять недель после Бородинского сражения армия Наполеона потеряла почти треть своего личного состава в борьбе с партизанами.

Положение Наполеона в Москве становилось безнадежным. Запасы продовольствия таяли, новых негде было достать, приближалась зима. Французы не могли рассчитывать на спокойную зимовку в сожженном городе. Маршалы указывали Наполеону на смертельную опасность и требовали покинуть Москву. Не дождавшись предложений о мире со стороны русского правительства, Наполеон сам предпринимает несколько попыток начать переговоры с Александром I. Эти попытки остались без ответа. Не получил положительных результатов на переговорах с Кутузовым и генерал Лористон, бывший французский посол в Петербурге, отправляя которого в Тарутино Наполеон сказал: „Я желаю мира, мне нужен мир; я непременно хочу его заключить, только бы честь была спасена“.

Не добившись мира, Наполеон вынужден был 7 (19) октября начать отступление из Москвы, признав безрезультатность своего похода и правоту слов Кутузова: „Я баталию выиграл прежде Москвы; но надобно сберечь армию, и она целехонька. Скоро все наши армии, т. е. Тормазов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет“.

Отступая по Калужской дороге, Наполеон попытался обойти левый фланг Кутузова и выйти к Калуге, где находились продовольственные склады русской армии. В дальнейшем он надеялся закрепиться на рубежах Западной Двины и Днепра, откуда весной 1813 года предполагал начать новую кампанию против России. Кутузов поставил перед своими войсками задачу — заставить армию захватчиков отступить по разоренной Смоленской дороге, окружить ее и уничтожить в ряде боевых операций силами регулярной армии и партизан.

Первое крупное столкновение французской армии с русскими войсками под Москвой, закончившееся поражением авангарда французской армии под командованием маршала Мюрата, произошло 6 (18) октября в районе Тарутино. В этом сражении французы потеряли 38 пушек и около 3500 человек убитыми, ранеными и пленными. „Бог мне даровал победу вчерась на Чернишне, — писал Кутузов жене, — командовал король неаполитанский. Были они от 45 до 50 тысяч. Не мудрено было их разбить, но надобно было разбить дешево для нас, и мы потеряли всего с ранеными только до трехсот человек. Первый раз французы потеряли столько пушек и первый раз бежали, как зайцы“.

С Тарутинского сражения начались активные наступательные действия русской армии, закончившиеся полным уничтожением войск Наполеона.

Когда стало ясно, что Наполеон идет на Калугу, Кутузов отдал приказ главным силам армии выступить к г. Малоярославец и преградить французам путь в южные районы страны. Сражение за Малоярославец 12 (24) октября было чрезвычайно упорным и кровопролитным. Город восемь раз переходил из рук в руки. Со стороны наполеоновских войск в нем действовал, главным образом, итальянский корпус вице-короля Евгения Богарнэ. Русскими войсками до подхода основных сил командовал генерал Д. С. Дохтуров. В сражении отличились также генералы А. П. Ермолов и П. П. Коновницын.

Видя, что дорога на Калугу прочно перекрыта русскими войсками, Наполеон приказал отступать к Можайску и двигаться дальше по Смоленской дороге. Стратегическая инициатива перешла к русскому коман-

дованию. Началось преследование отступающего неприятеля. „Сей день, — писал Кутузов, — есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собою пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции“.

В октябре войска генерала П. Х. Витгенштейна также начинают активные действия. Его войска 5—6 (17—18) октября тремя колоннами атаковали Полоцк и освободили город. Наполеоновский маршал Сен-Сир, потеряв в бою до 7 тысяч убитыми, вынужден был оставить важную стратегическую позицию и отступить. Особенно отличились под Полоцком ратники Петербургского и Новгородского ополчений. По словам командующего корпусом, ополченцы „к восхищению всех дрались с таким отчаянием и такой неустрашимостью, что ни в чем не отставали от своих товарищей старых солдат, а наипаче отлично действовали колоннами на стыках...“.

Отбросив французов на Смоленскую дорогу, Кутузов направил казачий корпус М. И. Платова вслед за отступающим противником. Севернее Смоленской дороги шел отряд генерала П. В. Кутузова (однофамильца), южнее — следовал авангард русской армии под командованием генерала М. А. Милорадовича, еще южнее — два больших отряда генералов В. В. Орлова-Денисова и А. П. Ожаровского, между ними — основные силы русской армии во главе с главнокомандующим. Таким образом, русская армия наступала фронтом в 60—70 км, постоянно атакуя фланги, тыл и голову отходящих вражеских войск.

Сражение при Вязьме 22 октября (3 ноября) было следующим большим сражением после Малоярославца. Генерал Милорадович, выйдя в район г. Вязьмы, отрезал пути отступления арьергарду наполеоновских войск — корпусу маршала Даву. Разгорелся ожесточенный бой. На помощь Даву подоспели корпуса А. Понятовского и Евгения Богарна. Противник оказался значительно сильнее авангарда русской армии и маршалу Даву удалось прорваться к Вязьме. Русские атаковали французов на позициях перед городом, французские войска не выдержали атаки, отступили в город и подожгли его. Генерал Милорадович приказал штурмовать Вязьму. Сомкнутыми колоннами, под бой барабанов, с распущенными знаменами, русские войска ворвались в город. Несмотря на упорное сопротивление, к вечеру Вязьма была очищена от неприятеля. Корпус Даву понес тяжелые потери. Бежавших французов преследовала конница Ф. П. Уварова и М. И. Платова.

В районе г. Духовщины казаки Платова настигли корпус Евгения Богарна и разгромили его, отбив 62 пушки и захватив в плен более 3 тысяч человек. „Казак делают чудеса, бьют на артиллерию и пехотные колонны“, — писал Кутузов.

Подвергаясь непрерывным ударам регулярных частей, казаков и партизан, деморализованные наполеоновские войска, теряя ежедневно живую силу, артиллерию и обозы, откатывались все дальше на запад. В приказе от 29 октября (10 ноября) Кутузов обращался к армии: „После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда земля русская, которую мечтал он поработить, усееется костями его. Итак, мы будем преследовать неумолимо. Настает зима, вьюги и моро-

зы. Вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть стена отечества, о которую все сокрушается“.

Не удержавшись в Смоленске, Наполеон возобновил отступление. В районе г. Красного 3—6 (15—18) ноября произошло одно из самых больших сражений 1812 года. Оно складывалось из нескольких боев. Главный из них состоялся 5 (17) ноября. В нем принимал участие сам Наполеон с основными силами французской армии. Несмотря на полководческое искусство императора, французские войска были разбиты. По словам Кутузова, „неприятель, оставляя пушки, знамена, множество пленных и убитых, был сбит с поля сражения и рассеян по лесам“. В бою под Красным французы потеряли 6 тысяч убитыми и ранеными, 19 170 человек пленными и 209 орудий. Особенно тяжелые потери понесли войска маршалов Даву и Нея. В числе огромных трофеев были захвачены мундир и маршальский жезл Даву, штабные карты стран Малой Азии и Индии, которые Наполеон мечтал покорить после похода на Россию.

После сражения под Красным создалась реальная опасность окружения и полного уничтожения наполеоновской армии в районе г. Борисова на реке Березине. Переправа французских войск через эту реку — один из самых драматических эпизодов Отечественной войны 1812 года. Только несогласованность действий войск генерала П. Х. Витгенштейна и адмирала П. В. Чичагова позволила остаткам „великой“ армии частично переправиться через Березину у местечка Студянки. Под огнем русской артиллерии Наполеон вынужден был бросить войска, не успевшие перейти на правый берег, всю артиллерию, обозы и поджечь мосты, чтобы оторваться от преследования. С 16 (28) ноября по 20 ноября (2 декабря) Наполеон потерял только пленными 5 генералов, 427 штаб- и обер-офицеров и 23 500 солдат, а вместе с убитыми и утонувшими потери составили около 50 тысяч человек. Наполеон бросил остатки разгромленных войск, потерявших боеспособность, и бежал в Париж. „Бонапарт, — писал Кутузов, — этот гордый завоеватель, этот модный Ахиллес, этот бич рода человеческого... бежит передо мною более трех сот верст, как дитя, преследуемое школьным учителем. Неприятель теряет пропасть людей; говорят, что солдаты, офицеры, даже генералы едут лошадиную падаль... Я бы мог гордиться тем, что я первый генерал перед которым надменный Наполеон бежит...“.

К концу 1812 года русская армия освободила территорию страны, занятую французами, и вышла на западную границу.

В конце декабря Кутузов докладывал в Петербург: „Война окончилась за полным истреблением неприятеля“.

Высоко оценивая подвиг народа в Отечественной войне 1812 года, обращаясь к солдатам, партизанам и ополченцам, Кутузов сказал: „Каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, предъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед“. За изгнание Наполеона из России Кутузов был награжден орденом св. Георгия I степени.

Гениальность Кутузова заключается в том, что он понял народный характер Отечественной войны, сумел стать во главе национально-освободительного движения.

неудачной борьбы русского народа с захватчиками, организовать борьбу на широком фронте в невиданных масштабах и направить эту борьбу к единой цели — уничтожению армии Наполеона.

В такой обстановке исход войны решало не генеральное сражение, которого так добивался Наполеон, а непрерывная цепь сражений и боев, истощивших и обескровивших французскую армию. Кутузов противопоставил стратегии Наполеона решать судьбу войны в генеральном сражении свою, качественно новую стратегию, которая предусматривала систему сражений, активную борьбу, широкое маневрирование большими войсковыми массами. В результате он выиграл время, укрепил армию, перешел инициативу из рук французов, перешел в контрнаступление и разгромил великого Наполеона, развеял миф о непобедимости его армии.

Полководческая деятельность Кутузова имела большое значение для дальнейшего развития русского военного искусства. Своей боевой практикой он поднял его на небывалую высоту, что понимали уже многие его современники. „Кто из русских, — писал Ф. Н. Глинка, — не согласится, что в Отечественной войне одно искусство в лице знаменитого полководца нашего Кутузова победило силу. Оно защитило нашу честь, возвысило славу, нашу свободу и великое преимущество называться русскими“.

▷
М. И. Кутузов.
Неизвестный скульптор.
Бронза. мрамор.
1-я половина XIX в

„Наполеон Бонапарт делит Европу между своими родственниками”.
 Английская карикатура на захватнические планы Наполеона.
 Раскрашенная гравюра.
 Начало XIX в.

◁

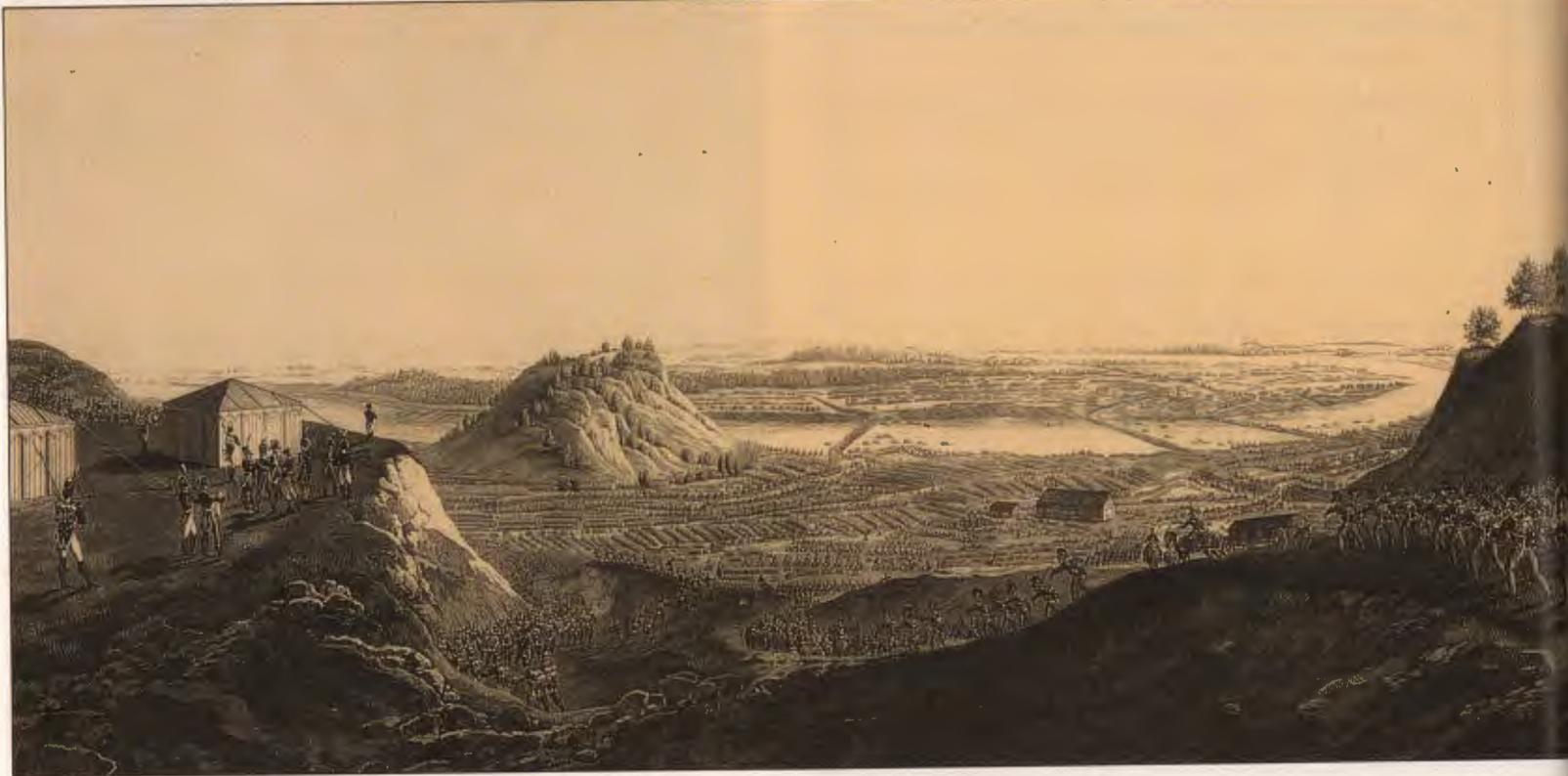
„Переход армии Наполеона через Неман 12 (24) июня 1812 г.”.
 Гравюра И. Клаубера по рисунку Д. Бажетти. 1810 г.

▽

Памятная медаль „Народное ополчение 1812 г.”.
 С медальона Ф. Толстого резал А. Лялин.
 Бронза, чеканка. 1834 г.

„Проводы ополченца”
 Гравюра А. Ухтомского по оригиналу И. Лучанинова. 1812 г.

М. И. Кутузов
 Гравюра Д. Готвуда. 1813 г.

△
Мундир, сабля и пистолет солдата
уланского Оренбургского полка, кивер
уланского Владимирского полка.
Сукно, металл.
Начало XIX в.

△
Мундир, кивер, шпага и лядунка поручика
гвардейского Литовского полка.
Сукно, кожа, металл.
Начало XIX в.

△
Мундир генерала гвардейской артиллерии.
Принадлежал Александру I.
Сукно, шитье.
Начало XIX в.

Офицерские шпаги участников Δ
 Отечественной войны 1812 г.
 и заграничных походов 1813—1814 гг.
 Сталь, позолота, гравировка.
 1 и четверть XIX в.

„Генерал-фельдмаршал князь
 Голенищев-Кутузов-Смоленский,
 принимающий главное начальство над
 российским воинством в августе 1812 г.“.
 Рисовал и гравировал И. Тербенев.
 1813 г.

...нии при Бородино. 26 августа (7 сентября)

...ровал С. Федоров под руководством С. Карделли
...инулу Д. Скотти.

М. И. Кутузов.
Раскрашенная гравюра С. Карделли.
1810-е гг.

...орка с портретом М. И. Кутузова.
...ота неизвестного художника по гравюре
...рделли.
...онто, акварель, кость, гуашь.
... четверть XIX в.

△
Памятная медаль „Битва
Бородинская”.
С медальона Ф. Толстого
резал А. Лялин.
Бронза, чеканка.
1834 г.

▷
„Сражение при Бородино.
26 августа (7 сентября) 1812 г.”.
Раскрашенная литография
Виктора по оригиналу
П. Гесса.
Середина XIX в.

„Кавалерийская атака генерала Ф. П. Уварова“
Раскрашенная литография С. Васильева по оригиналу
А. Дезарна
1912 г.

М. Б. Барклай-де-Толли (1761—1818).
Рисовал и гравировал К. Зенф.
1816 г.

◁ Сабля генерала И. С. Дорохова
Сталь. Начало XIX в.

П. И. Багратионъ

св. Гражданинъ подъ Бородиною

Генералъ отъ Кавказскихъ Делъ

26 Августа 1812 Году.

В. В. Верещагинъ

△

Звезда и лента ордена св. Андрея
Первозванного.

Учрежден в 1698 г. Лента принадлежала П. И.
Багратиону.

Муар, серебряное шитье.
Начало XIX в.

П. И. Багратион (1765—1812).

Гравюра С. Карделли.

1810-е гг.

◁

„Конец Бородинского сражения”. ▷
Художник В. Верещагин.
Холст, масло.
1899—1900 гг.

А. А. Тучков (1778—1812).
Неизвестный художник.
Копия с портрета работы А. Варнека
1810-х гг.
Холст, масло.
1-я половина XIX в.

Н. А. Тучков (1765—1812).
Неизвестный художник.
Копия с портрета работы Д.-Б.
Дамона Ортолани 1800-х гг.
Холст, масло.
1-я половина XIX в.

М. И. Кутузов.
Литография В. Адама.
Середина XIX в.

Орден св. Владимира, учрежден в 1782 г.
Медаль принадлежала Н. А. Тучкову.
Из золота, серебра, эмали, муар.
Начало XIX в.

Alexander Petrovich
Ermolov

Alexius Petri filius
Ermolow

А. П. Ермолов (1777—1861).
 Гравюра А. Ухтомского по оригиналу В. Машкова.
 1-я четверть XIX в.

Александръ
Графъ Ермоловъ,
и др. партизанск. кн.

Сентябрь 20-е Машковъ.
24-й томи въ Эрмолви и
28-мъ томи своего Эрмолви.

211

А. И. Кутайсов (1784—1812).
Гравюра С. Карделли.
1810-е гг.

△
„Военный совет в Филях 1 (13) сентября 1812 г.“.
Цветная литография по оригиналу А. Кившенко.
1912 г.

Н. Н. Раевский (1771—1829).
Неизвестный художник. Копия с портрета Д. Доу.
Холст, масло. 2-я половина XIX в.

△

Орден св. Анны I степени. Учрежден Шлезвиг-Голштинским князем Карлом-Фридрихом в 1735 г. в память своей супруги Анны Петровны — дочери Петра I. В 1797 г. вошел в число российских орденов.
Золото, драгоценные камни, рубиновое стекло, муар.
Начало XIX в.

▷
„Москва. Вид в Кремле у Спасских ворот“.
Раскрашенная гравюра Ж. Лори по рисунку Ж. Делабарта.
Начало XIX в.

„Генеральный план Москвы 1812 г.“. ▷
(черным цветом отмечены районы города,
уничтоженные пожаром).
Раскрашенная гравюра. 1813 г.

△
Наполеон Бонапарт (1769—1821).
Художник В. Верещагин.
Холст, масло. 1887—1895 гг.

Бритвы Наполеона.
На футляре надпись „Сии бритвы отбиты в обозе,
принадлежавшем императору Наполеону при
Березине“.
Сталь, кость, кожа. Начало XIX в.

Изображение Плана
 Старицкого Городу
МОСКВЫ
 и прилежащих к оному
 деревень, в которыхъ
 находятся все
 казенныя земли.

ИМЕНЕ ЧАСТЕЙ ГОРОДА

Число оснанныхъ домовъ:

I	Борцовая	11
II	Светловская	5
III	Свердловская	320
IV	Литовская	53
V	Мясницкая	283
VI	Мясницкая	187
VII	Мясницкая	8
VIII	Армянская	92
IX	Сербининская	16
X	Лодская	36
XI	Колотковская	348
XII	Мясницкая	188
XIII	Мясницкая	289
XIV	Сербининская	333
XV	Мясницкая	139
XVI	Мясницкая	98
XVII	Мясницкая	53
XVIII	Мясницкая	65
XIX	Мясницкая	128
XX	Мясницкая	335

НАЗВАНИЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ УЛИЦЪ

1.	Улица Большая	34.	Улица Большая
2.	Улица Большая	35.	Улица Большая
3.	Улица Большая	36.	Улица Большая
4.	Улица Большая	37.	Улица Большая
5.	Улица Большая	38.	Улица Большая
6.	Улица Большая	39.	Улица Большая
7.	Улица Большая	40.	Улица Большая
8.	Улица Большая	41.	Улица Большая
9.	Улица Большая	42.	Улица Большая
10.	Улица Большая	43.	Улица Большая
11.	Улица Большая	44.	Улица Большая
12.	Улица Большая	45.	Улица Большая
13.	Улица Большая	46.	Улица Большая
14.	Улица Большая	47.	Улица Большая
15.	Улица Большая	48.	Улица Большая
16.	Улица Большая	49.	Улица Большая
17.	Улица Большая	50.	Улица Большая
18.	Улица Большая	51.	Улица Большая
19.	Улица Большая	52.	Улица Большая
20.	Улица Большая	53.	Улица Большая
21.	Улица Большая	54.	Улица Большая
22.	Улица Большая	55.	Улица Большая
23.	Улица Большая	56.	Улица Большая
24.	Улица Большая	57.	Улица Большая
25.	Улица Большая	58.	Улица Большая
26.	Улица Большая	59.	Улица Большая
27.	Улица Большая	60.	Улица Большая
28.	Улица Большая	61.	Улица Большая
29.	Улица Большая	62.	Улица Большая
30.	Улица Большая	63.	Улица Большая
31.	Улица Большая	64.	Улица Большая
32.	Улица Большая	65.	Улица Большая
33.	Улица Большая	66.	Улица Большая

△ „Мыльные пузыри”.
Раскрашенная гравюра И. Тербенева. 1813 г.

„Не удалось тебе нас переладить на свою погудку: попляши же, басурман,
под нашу дудку”.

▽ Раскрашенная гравюра И. Тербенева. 1813 г.

*Не удалось тебе нас переладить на свою погудку:
Попляши же басурман, под нашу дудку!*
Иван Тербенев.

△
М. И. Кутузов.
Миниатюра неизвестного художника по гравюре
С. Карделли.
По овалу текст: „Тот жив, бессмертен тот, отечество
кто спас”.
Акварель, гуашь, кость. 1810-е гг.

„М. И. Кутузов отвергает предложение Наполеона ▷
о мире, сделанное послом императора генералом
Лористоном в Тарутино”.
Раскрашенная гравюра неизвестного художника.
1-я четверть XIX в.

**КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ ОТВЕРГАЯ ПРЕДЛАГАЕМЫЙ НАПОЛЕОНОМЪ ЧРЕЗЪ
ГЕНЕРАЛА ЛОРИСТОНА МИРЪ,**

*произноситъ сіи достопамятныя слова: Какъ! можетъ предлагать миръ! и кто?
тотъ, который попираетъ священныя права народныя! и гдѣ? въ россіи! Нѣтъ, не
будетъ сего, пока въ Россіи есть Русскіе!*

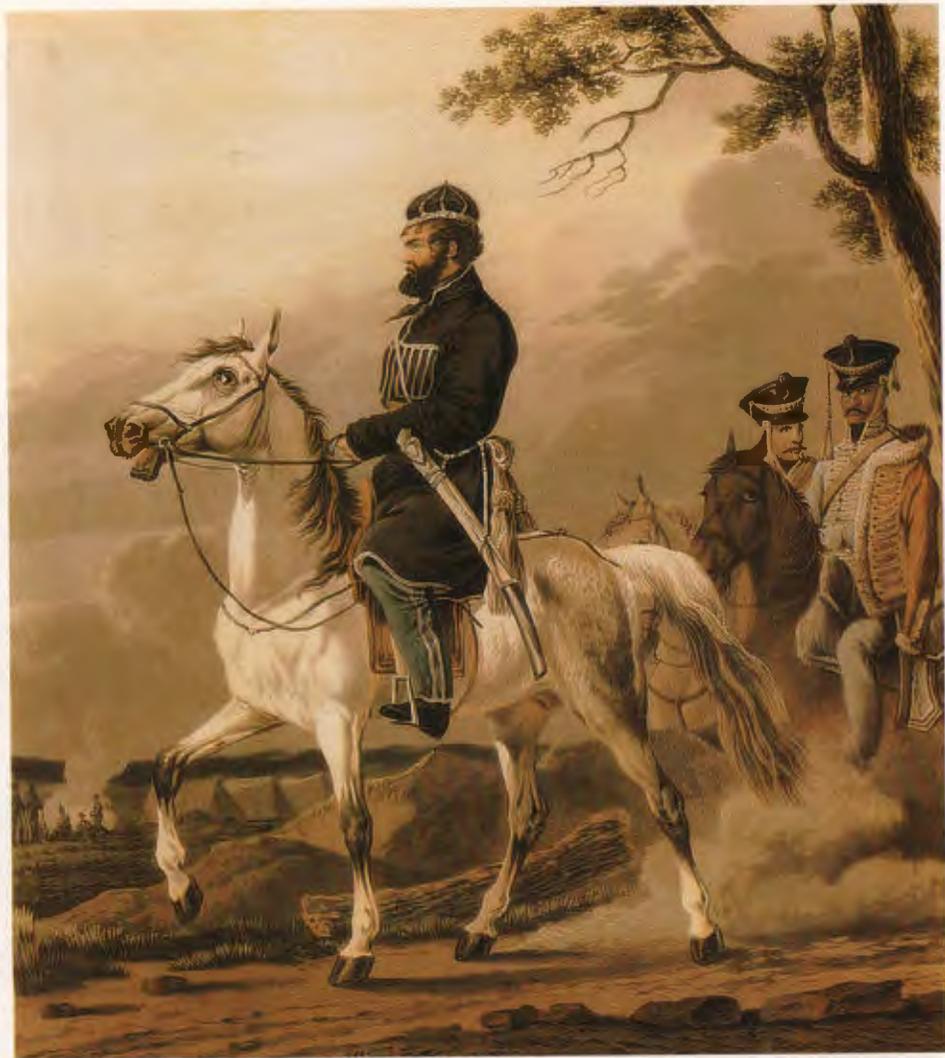
△ М. И. Платов (1751—1818).
Неизвестный художник. Копия с оригинала
А. Орловского 1812—1813 гг.
Бумага, акварель.
1810-е гг.

А. А. Бибиков (1765—1822).
Миниатюра работы неизвестного художника.
Бумага, акварель.
1-я четверть XIX в.

▷ А. С. Фигнер (1787—1813).
Миниатюра работы неизвестного художника.
Кость, акварель, гуашь.
1-я четверть XIX в.

△ Д. В. Давыдов (1784—1839).
Раскрашенная гравюра М. Дюбурга по оригиналу
А. Орловского. 1814 г.

◁

П. Х. Витгенштейн (1769—1843).
Неизвестный художник. Копия с портрета работы
Д. Доу 1820-х гг.
Холст, масло.
1-я половина XIX в.

М. И. Кутузов.
Гравюра А. Грачева по оригиналу Ф. Кинеля.
1813 г.

△

„Победа при Тарутине 6 (18) октября 1812 г.“. ▽
Гравировал С. Федоров под руководством С. Карделли
по оригиналу Д. Скотти.
1814 г.

Медаль „В память освобождения Москвы от
иноплеменников“.
С медальона Ф. Толстого резал А. Клепиков.
Бронза, чеканка.
1834 г.

▽

Д. С. Дохтуров (1756—1816).
Миниатюра неизвестного художника
по оригиналу В. Боровиковского.
Кость, акварель, гуашь.
1811 г.

Модели артиллерийских орудий
1812 года.
Бронза, дерево.
Начало XIX в.

„Победа при Малоярославце 12 (24)
октября 1812 г.”
Гравировал И. Беггров под
руководством С. Карделли по
оригиналу Д. Скотти
1814 г.

Кавалерийские пистолеты
и гусарская ташка.
Металл, дерево, сукно.
Начало XIX в.

△
И. В. Васильчиков (1777—1847).
Миниатюра неизвестного художника по
оригиналу Д. Доу.
Картон, масло. 1820-е гг.

△
М. А. Милорадович (1771—1825).
Раскрашенная гравюра С. Шифляра.
1810-е гг.

„Сражение при Вязьме 22 октября 1812 г.“
Цветная литография с картины П. Гессе,
1912 г.

П. П. Коновницын (1764—1822).
Портрет работы дочери — Е. П. Коновницыной, жены
декабриста М. М. Нарышкина.
Бумага, пастель, карандаш.
1822 г.

Ф. П. Уваров (1773—1824).
Гравюра И. Мансфельда по оригиналу И. Изабэ.
1814 г.

М. И. Кутузов.
Гравюра С. Карделли по оригиналу А. Орловского.
1813 г.

△

△

Походный портфель М. И. Кутузова.
Тисненая кожа, металл, золочение.
Начало XIX в.

„Чем он победил врага своего? Нагайкою“.
Раскрашенная гравюра И. Тербенева. 1812 г.

„Уральские казаки“
Акварель неизвестного художника
Начало XIX в.

„Смотр французским войскам на обратном походе через
Смоленск“.
Раскрашенная гравюра И. Тербенева. 1813 г.

◁ Орден Почетного легиона. Учрежден Наполеоном в 1802 г.
Золото, серебро, эмаль, муар.
1812 г.

„Поступление, бегство“.
Художник В. Верещагин.
Холст, масло.
1887—1895 гг.

Графины из походного сервиза Наполеона.
Франция.
Хрусталь, алмазная грань. Роспись.
Начало XIX в.

▷
„В штыки Ура! Ура!“.
Художник В. Верещагин.
Холст, масло.
1887—1895 гг.

Музей маршала Даву
 1812 г. Красном. 5 (17)
 ноября 1812 г.”.
 авторизовал С. Федоров
 под руководством
 Карделли по рисунку
 Скотти. 1814 г.

Солдатские ружья, кивер, барабан; офицерские
 шпаги; трофейное французское знамя.
 Металл, дерево, ткани, кожа.
 Начало XIX в.

△ М. И. Кутузов.
 Художник Н. Яш.
 Холст, масло, 1883 г.

△
Мундир Л.-Н. Даву — маршала французской армии.
Сукно, золотное шитье. 1812 г.

Жезл наполеоновского маршала Л.-Н. Даву — трофей ▷
русской армии.
Золото, серебро, бархат, дерево. 1812 г.

△
Мундир, кивер и подзорная труба генерала французской
армии.
Сукно, серебряное шитье. 1812 г.

„Преследование Наполеона Бонапарта после сражения ▷
при Красном“.
Раскрашенная гравюра Т. Сатерленда по оригиналу
В. Гиса. 1815 г.

В. В. Орлов-Денисов (1775—1844).
Неизвестный художник. Копия с портрета работы
Д. Доу 1820-х гг.
Холст, масло.
1-я половина XIX в.

„Переправа наполеоновской армии через
Березину 14—17 (26—29) ноября 1812 г.“
Раскрашенная литография по оригиналу
П. Гесса.
Середина XIX в.

Памятная медаль „Сражение при Березине“.
С медальона Ф. Толстого резал А. Лялин.
Бронза, чеканка.
1835 г.

Ночной привал Великой армии".
Художник В. Верещагин.
Холст, масло.
1896—1897 гг.

М. И. Кутузов.
Гравюра Д. Годби по оригиналу Р. Волкова.
1814 г.

Крест и лента ордена св. Георгия I степени.
Учрежден в 1769 г. Золото, эмаль, муар.
XIX в.

Великая победа русского народа в Отечественной войне 1812 года имела огромное значение. Она не только устранила угрозу порабощения и расчленения России, но и создала предпосылки для освобождения стран Европы от наполеоновской тирании. „Уничтожение великой наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом ко всеобщему восстанию против французского владычества на Западе“, — писал Ф. Энгельс.

К моменту выхода на западную границу русская армия насчитывала около 100 тысяч человек. Наполеон стремился во что бы то ни стало удержать свое господство в странах Западной Европы, использовать экономические и людские ресурсы европейских стран для продолжения войны с Россией. За Неманом, в Восточной Пруссии и Польше, он имел до 70 тысяч свежих войск. Во Франции велась спешная мобилизация, формирование и обучение новых полков. Только за первые три месяца 1813 года в армию было призвано 200 тысяч человек.

Разрабатывая план заграничных походов, Кутузов предвидел, что национальные интересы Австрии и Пруссии толкнут их на союз с Россией. Кутузов провел тонкую дипломатическую работу, в результате которой в январе 1813 года между русскими и австрийскими войсками было заключено перемирие и подготовлены условия для последующего перехода Австрии на сторону России.

После кратковременной передышки на границе русская армия перешла в наступление. Начались заграничные походы.

Общий замысел кампании 1813 года Кутузов изложил в обращении к армии в связи с переходом границы и началом боевых действий на территории Восточной Пруссии: „Не останавливаясь среди героических подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся завершить поражение неприятеля на собственных полях его“. Подчеркивая освободительный характер заграничных походов, он заканчивал обращение призывом: Заслужим же благодарность иноземных народов и поставим Европу с чувством удивления восклицать: „Непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель, достойная героев; будем же стремиться к ней, храбрые воины!“.

В начале заграничных походов русская армия наступала по трем направлениям: на столицу Пруссии — Кенигсберг, Данциг и Варшаву. Несмотря на то, что на первом этапе ей приходилось сражаться без

союзников, она успешно продвигалась на Запад, и в конце января 1813 года заняла Кенигсберг, а в феврале — Варшаву. Успехи русских войск стали толчком к развертыванию национально-освободительного движения в Восточной Пруссии, хотя по-прежнему основной и решающей силой в борьбе с Наполеоном оставалась русская армия. „Русские войска, — писал Ф. Энгельс, — составляли основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались пруссаки, австрийцы и остальные. Она оставалась основной массой вплоть до вступления в Париж“.

К середине февраля русские полки вышли на Одер. В результате успешного наступления и дипломатического нажима правительство Пруссии заключило договор с Россией о совместной войне против наполеоновской Франции. С русской стороны вел переговоры и подписал Калишский трактат Кутузов. Это было его большой заслугой и дипломатическим успехом: в соответствии с договором он встал во главе объединенного командования союзной армии, увеличившейся на 55 тысяч солдат прусских войск.

Кутузов подошел к решению польского вопроса как опытный военачальник и мудрый политик. Он стремился поднять поляков на освободительную борьбу против французов, превратить Польшу в союзника, чтобы обеспечить надежный тыл своей армии. При его участии было разработано положение о Временном правительстве герцогства Варшавского — Верховном временном совете, с которым Кутузов поддерживал тесный контакт, который по его указаниям упорядочил сбор налогов с населения и снизил подати.

В острой военной и политической борьбе, развернувшейся в Европе, Кутузов стремился не допустить превращения русской армии в орудие английской политики. Однажды он заявил представителю правительства Англии генералу Вильсону: „Я несколько не уверен, что полное уничтожение империи Наполеона и его армии было бы уже таким благодеянием для света. Его наследство досталось бы не России и не какой-либо иной континентальной державе, но той державе, которая уже и теперь владычествует на морях и чье господство сделалось бы тогда невыносимым“.

Дальновидным политиком оказался Кутузов и в отношении к послевоенному переустройству Франции. Он принадлежал к тем государственным деятелям России, которые не считали необходимым восстановление феодального строя, свергнутого Французской революцией, и возвращение трона Бурбонам. Кутузов считал, что после освобождения Европы от власти Наполеона Франция должна остаться сильным государством и внести важный вклад в дело европейского политического и военного равновесия. В противном случае Англия могла бы утвердить свое господство на европейском континенте. „Прекрасная Франция, сильная сама по себе, пусть займется внутренним своим благосостоянием. Покушения иноплемеников никогда не возмутят природных ее границ“, — считал фельдмаршал.

В войне 1813 года Кутузов, развивая традиции русской армии, выработал новый принцип действия большими вооруженными массами, смысл которого заключается в том, что войсковые группы вели наступление по различным маршрутам, с различными заданиями, но в решительную минуту выходили к одной точке и уничтожали противника, ведя концентрическое наступление.

Дальнейший план боевых действий Кутузова ставил целью взятие Берлина и выход на Эльбу. Весной 1813 года развернулись бои за Одером; 20 февраля (4 марта) был взят Берлин, 7 (19) марта — Гамбург. „Русские победоносные знамена внесены в Гамбург, хвала русским, терпением и ранами избившим Отечество свое от ига иноплемennого и утвердившим славу праотцов своих делами, бессмертной памяти достойными“, — писал фельдмаршал. В начале апреля союзные войска форсировали Эльбу, и вскоре главные силы армии — около 100 тысяч человек при 656 орудиях — вышли в район Лейпцига, где концентрировал свои войска и Наполеон. Тем самым был осуществлен план наступления союзных армий по сходящимся линиям, который Кутузов считал важнейшим условием успешной борьбы с Наполеоном в стратегической обстановке, сложившейся к весне 1813 года.

5 (17) апреля, по дороге в Дрезден, Кутузов прибыл в Бунцлау. В пути фельдмаршал простудился и тяжело заболел. Многолетняя боевая служба, раны, чрезмерное напряжение по руководству войсками подорвали здоровье полководца. Несмотря на старания врачей, болезнь прогрессировала, и 16 (28) апреля 1813 года Михаил Илларионович Кутузов скончался. „Закат дней его, — писал А. И. Михайловский-Данилевский, один из адъютантов фельдмаршала, — был прекрасен, подобно закату светила, озарившего в течении своем великолепный день; но нельзя было смотреть без особенного прискорбия, как угасал наш знаменитый вождь, когда во время недугов избавитель России отдавал мне приказания, лежа в постели, таким слабым голосом, что едва бывало можно расслушать слова его. Однако же его память была очень свежа, и он неоднократно диктовал мне по несколько страниц безостановочно“.

Тело фельдмаршала было набальзамировано и отправлено в Петербург для погребения. По пути следования траурной колесницы массы народа выходили на улицы городов и селений, чтобы отдать последние почести прославленному полководцу.

13 (25) июня в торжественной обстановке, при стечении многих тысяч людей, Кутузов был похоронен в Казанском соборе. Останки покойного после бальзамирования захоронили в двух километрах западнее Бунцлау, возле польской деревни Болеславец, где в 1814 году был установлен надгробный памятник в виде сломанной колонны с надписью: „Князь Кутузов-Смоленский перешел из этой жизни в лучший мир 16 (28) апреля 1813 года“. В 1819 году на городской площади в Бунцлау по указанию прусского короля Фридриха-Вильгельма III был заложен 12-метровый памятник-obelisk, главная надпись на котором гласит: „До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя“.

В памяти близких людей и хорошо знавших его по многолетней службе остался яркий и привлекательный образ Кутузова — человека, обладавшего „крепким телосложением и наружной красотой, вполне отвечавшей его духовным качествам — смелости и предприимчивости, соединенным с веселым нравом и светлым умом. Одевался (он) просто, всегда был в форменном мундире, а на войне даже по ночам никогда не раздевался. В обществе, особенно женском, был незаменим и очарователен — оживлял его любезностью и даром слова. Был добр, в меру снисходителен к другим и щедр; отличался гостеприимством, хлебо-

сольством и радушием, отчего нередко нуждался в средствах. Нрава был хотя и веселого, но скрытного и недоверчивого. Скрывая свои мысли даже от приближенных, повторял: „Какое нам дело до других! Нет лучше того, как знать себя самого“. Репнин говорил: „Кутузов доступен, но к сердцу его недоступно“. Никогда не роптал. Никого не просил за себя, но любил это делать за других. Не был завистлив. Отличался скромностью и никогда не присваивал себе чужих заслуг, а напротив — отдавал другим должное, выставлял и подчеркивал то, что они сделали.

Это был человек великого ума, способного и склонного к расчету, находившегося в равновесии с волею и чуждого увлечений. Даже недоброжелатели его отдавали полную справедливость его уму, проницательности и обширной памяти.

Лучшим показателем способностей Кутузова как военачальника служат, конечно, те военные операции, которые были им выполнены. Требуя мнений посторонних, при решении боевых задач Кутузов не терпел, однако, чтобы ему давали советы и чтобы его распоряжения оставались неисполненными, за что он взыскивал строго, несмотря на положение провинившегося.

Военные операции проводил с большой осторожностью, что, однако, в нужных случаях не мешало ему проявлять решимость, подсказываемую ему замечательным военным глазомером и редкой проницательностью. Его знаменитые слова, сказанные на военном совете в Филях, „знаю, что ответственность обрушится на меня, но жертвую собой для блага Отечества“, и далее — „приказываю отступить“, — достаточно ярко обрисовывают личность главнокомандующего“.

Современники, а вслед за ними и историки подчеркивают, что полководческий дар Кутузова успешно сочетал с дипломатическими талантами, что интересы России он успешно отстаивал не только силою оружия, но и словом, силою убеждения. Так было в отношениях с Османской Портой во время русско-турецких войн, так было во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813 года.

Одним из первых в истории дипломатии Кутузов понял связь между внешней и внутренней политикой государства, и более того, — решающее влияние внутренней политики на внешнюю. Он умело использовал это обстоятельство в своей полководческой деятельности. Поэтому Кутузов-полководец и стратег неотделим от Кутузова-политика и дипломата. Стратегия Кутузова носила подлинно государственный характер и всегда увязывалась с политическими интересами России. Недаром один из современников Кутузова, выдающийся русский дипломат С. Р. Воронцов называл его государственным полководцем.

Популярность Кутузова в армии была настолько велика, что Александр I, боясь ослабления боеспособности войск, приказал держать в тайне известие о его смерти, и не объявлял о ней до Люценского сражения, а в рескрипте на имя вдовы фельдмаршала от 25 апреля (7 мая) 1813 года вынужден был признать: „Княгиня Екатерина Ильинична! ...Имя и дела его остаются бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его. Европа и весь свет не перестанут ему удивляться и вносить имя его в число знаменитейших полководцев. В честь ему воздвигнется памятник, при котором россиянин, смотря на изваянный образ его, будет гордиться, чужестранец же уважит землю, порождающую столь великих людей“.

Заслужив мировую славу на полях сражений, Кутузов оставался

скромным человеком и в одном из писем дочери писал: „Чем больше я живу, тем сильнее убеждаюсь, что слава есть дым...“. А в ответе Д. И. Хвостову по поводу написанной в его честь оды заявил: „Вы как бы возвышаете меня перед Румянцевым и Суворовым. Много бы я должен был иметь самолюбия, если бы на сию дружескую мысль Вашу согласился. И ежели из подвигов моих что-нибудь годится преподанным быть потомству, то сие только от того, что я силюсь по возможности моей и по умеренным моим дарованиям идти по следам сих великих мужей“.

Современники хорошо понимали роль Кутузова в деле защиты Отечества, разгрома наполеоновской армии, высоко ценили его патриотизм и выдающийся вклад в развитие русского военного искусства.

*Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
„Иди спасай!“ Ты встал — и спас...*

— такими прекрасными словами выразил А. С. Пушкин чувства русского народа к полководцу.

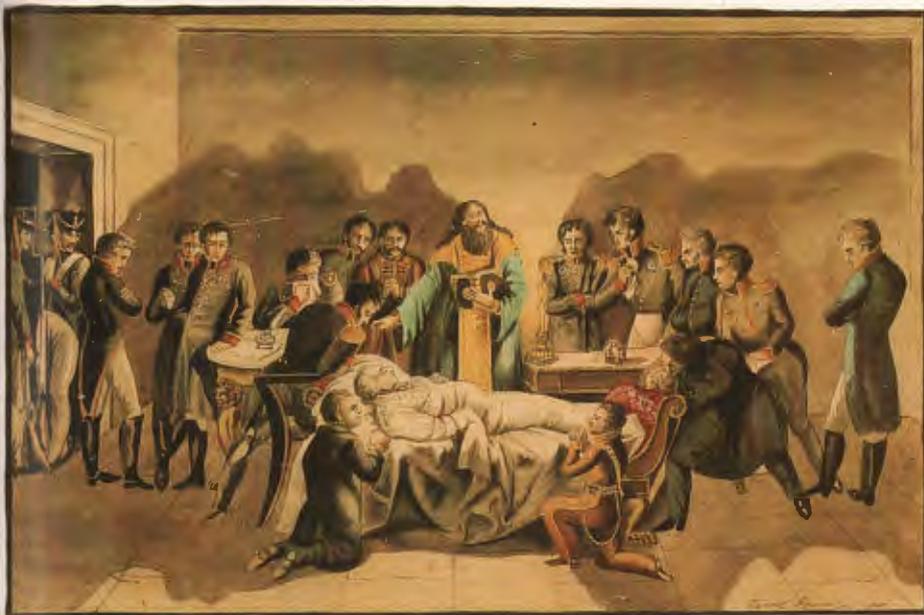
Кутузов воспринял лучшие традиции русской армии и стал достойным продолжателем полководческого искусства Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова. „Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титуло: спаситель России; его памятник: скала Святой Елены! ... Кутузов один обличен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!“ — писал А. С. Пушкин. „Бессмертие уже началось для имени его, и потомство не откажет дать ему место за заслуги, оказанные Отечеству, возле Пожарского, а за военные дарования возле Суворова“, — подчеркнул Д. П. Бутурлин.

В 1831 году в Петербурге по проекту Б. И. Орловского перед колоннадой Казанского собора полководцу был сооружен величественный памятник.

В заграничном походе 1813 года полководческое искусство Кутузова получило дальнейшее развитие. Закаленные в боях русские войска, ломая сопротивление противника, развернули наступление на широком фронте и добились больших успехов. За три месяца они продвинулись вглубь на 1000 км. Форсировали Вислу, Одер, Эльбу — серьезные водные преграды, на которых наполеоновские войска стремились остановить наступление русской армии, — и освободили от французов огромную территорию от Немана до Эльбы. Во время заграничных походов 1814 года в результате объединенных действий русской армии и войск союзников, поддержанных освободительным движением европейских народов, наполеоновская империя была разгромлена окончательно. После ряда крупных сражений, среди которых выделяются сражения под Кульмом и при Лейпциге, союзные войска вступили на территорию Франции. 19 (31) марта 1814 г. столица наполеоновской империи — Париж — капитулировала. Наполеон отрекся от престола и был выслан на остров Эльбу в Средиземном море. После „ста дней“ ссылки, когда он сделал попытку вернуть себе Францию, разгромленный в сражении при Ватерлоо 18 (30) июня 1815 года император был сослан на далекий остров Святой Елены в Атлантическом океане, где и провел остаток жизни.

М. И. Кутузов.
Гравюра Ф. Боллингера по оригиналу
К. Розентреттера.
1811 г.

△
„Кончина М. И. Кутузова
в г. Бунцлау 16 (28) апреля
1813 г.“.
Акварель И. Л. Ефимовича —
адъютанта Кутузова.
1813 г.

▽
М. И. Кутузов.
Миниатюра неизвестного
художника по гравюре
С. Карделли.
Акварель, гуашь, кость.
1810-е гг.

г. Бунцлау, Бунцлау-Штр.
Кутузов — Denkmal

△
Памятник М. И. Кутузову в г. Бунцлау.
Фото.
2-я половина XIX в.

Похороны М. И. Кутузова в Петербурге".
Рисовал и гравировал М. Воробьев.
1814 г.

М. И. Кутузов. ▷
Гравюра Г. Доу по оригиналу Д. Доу.
1-я треть XIX в.

△
Табакерка с миниатюрами фельдмаршала М. И. Кутузова,
фельдмаршала Пруссии Г. Блюхера и фельдмаршала
Великобритании А. Веллингтона и текстом: „Основанное
вождем Россиян в 1812 году, довершили в 1815 победители
при Бель-Альянсе“.
Акварель, гуашь, кость.
1-я треть XIX в.

Наградные медали за участие в Отечественной войне 1812
года и за взятие Парижа в 1814 г.
Серебро, чеканка.
1812, 1826 гг.

▽

М. А. Фонвизин (1788—1854).
Неизвестный художник.
Холст, масло.
1-я четверть XIX в.

М. Ф. Орлов (1788—1842).
Художник Разумихин. Копия с портрета работы
А. Ризенера 1810-х гг.
Холст, масло.

А. Н. Муравьев (1792—1863).
Художник Ф. Тулов.
Холст, масло.
1817—1819 гг.

△
А. П. Тормасов (1752—1819).
Художник К. Рейхель.
Холст, масло.
1813 г.

▷
„Сражение при Лейпциге 4—7 (16—19) октября 1813 г.“.
Раскрашенная гравюра. Австрия. Вена.
1-я четверть XIX в.

△
Сабля генерала А. И. Чернышева.
Ножны украшены пластинами
с батальными сценами
заграничных походов.
Сталь, золото, драгоценные
камни.
1836 г.

„Капитуляция Парижа 19 (31)
марта 1814 г.“.
Раскрашенная гравюра. Австрия.
Вена.
1-я четверть XIX в.

Наградная сабля Наполеона
Бонапарта с надписью:
„Бонапарту первому консулу от
Французской республики“.
Дамасская сталь, серебро,
позолота.
Начало XIX в.

„Наполеон Бонапарт в изгнании“.
Художник А. Орловский.
Бумага, акварель.
1810-е гг.

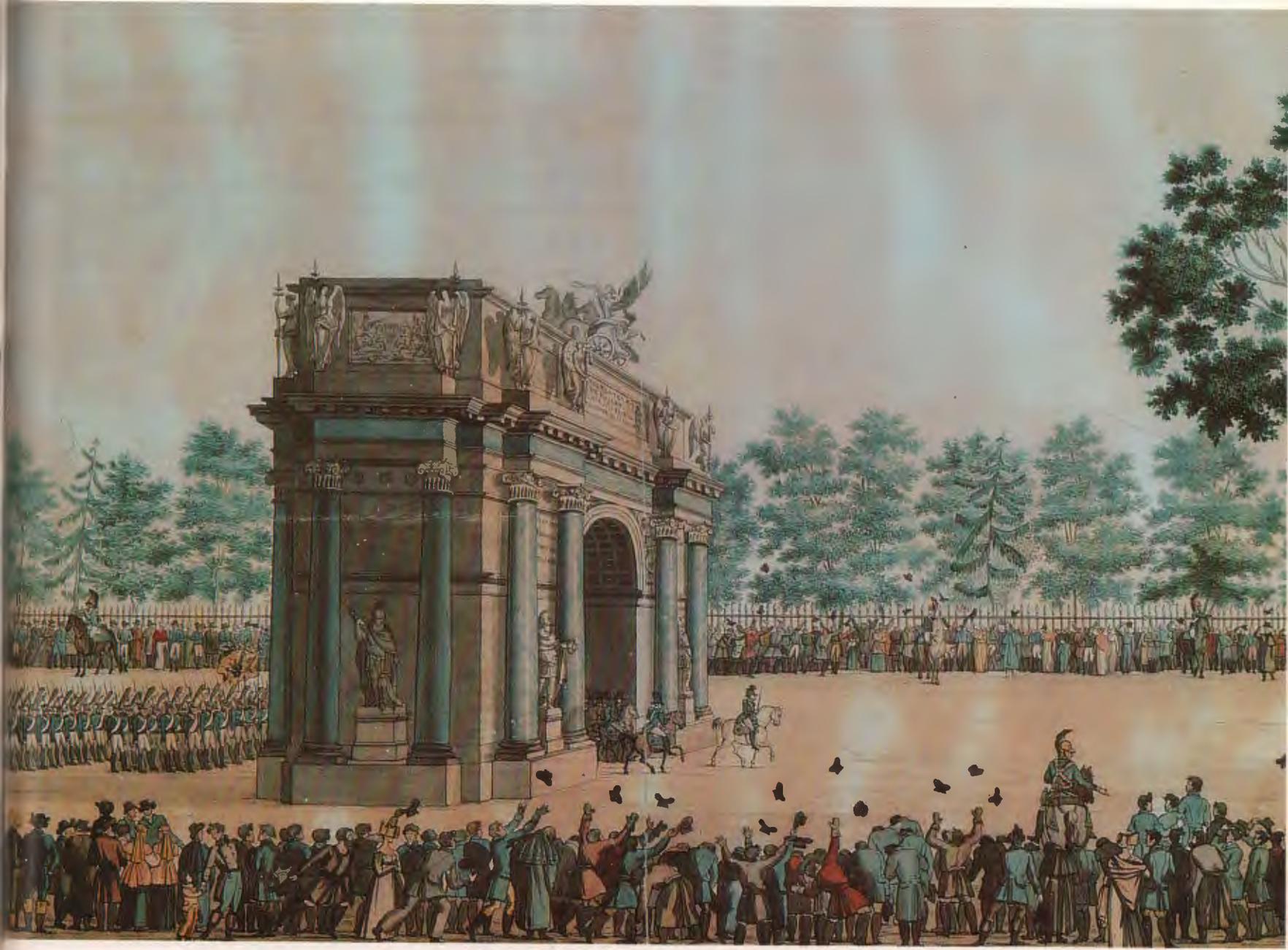
Стопка с изображением
Славы, графин и бокал
с надписями: „В память взятия
Парижа 19 марта 1814 г.“.
Хрусталь, молочное стекло,
алмазная грань, позолота.
1814 г.

Графин и кружки с надписями:
„Париж взят 19 марта, дарован
мир Франции и всей вселенной
18 мая 1814 г.“.
Зеленое стекло, алмазная
грань, позолота.
1814 г.

Сервиз чайный с сюжетами на
тему Отечественной войны 1812 г.
Товарищество М. С. Кузнецова.
Фарфор, деколь.
1912 г.

„Торжественное шествие гвардии 31 июля 1814
через Триумфальную арку, воздвигнутую
в Петербурге в честь окончания Отечественной
войны 1812 г. и заграничных походов
Раскрашенная гравюра И. Иванова
1814 г.“

Военно-теоретическое и боевое наследие Кутузова всегда привлекало исследователей. Но наиболее глубоко и всесторонне полководческое искусство Кутузова было оценено только во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В сложнейших условиях вооруженной борьбы командование Красной Армии широко использовало боевой опыт русской армии, в том числе и опыт Отечественной войны 1812 года. Опыт Кутузова по организации активной обороны и контрнаступления был использован в наиболее трудный — начальный период войны. В проекте „Полевого устава“ Красной Армии 1942 года говорилось: „...славное прошлое нашей великой страны дает много примеров, когда путем отступления врага затягивали, его истощали, а затем наносили ему сокрушительный удар. Так было в дни Отечественной войны 1812 года, так было много раз в гражданскую войну... Персональный подбор начальников таких арьергардов, как это имело место в 1805 году под Шенграбеном при отходе Кутузова к Аустерлицу, когда арьергард Багратиона вел бой с превосходящими во много раз силами противника, и в войне 1812 года, когда ряд талантливых русских генералов (...) дали примеры искусных действий арьергардов — в современной войне приобретает исключительное значение“.

Ярким выражением преемственности боевых традиций Советской Армии, высокой оценки полководческого искусства Кутузова стало учреждение Президиумом Верховного Совета СССР в июле 1942 года ордена Кутузова I и II степени, а в феврале 1943 года — III степени. В статуте ордена сказано: „Орденом Кутузова награждаются командиры Красной Армии за хорошо разработанный и проведенный план операции — фронтовой, армейской или отдельного соединения, в результате чего противнику нанесено тяжелое поражение, а наши войска сохранили свою боеспособность“. За годы Великой Отечественной войны этим орденом было награждено почти 7 тысяч воинов: I степени — 579, II степени — 3105 и III степени — 3302 человека. Среди них — многие выдающиеся военачальники, показавшие высокое боевое мастерство в ожесточенных сражениях с немецко-фашистскими захватчиками в таких боевых операциях, как „Кутузов“ (кодовое название Орловской операции 1943 года — составной части битвы на Курской дуге), „Багратион“

(кодовое название Белорусской операции 1944 года) и других. В музее Вооруженных Сил СССР в Москве в зале Победы над фашистской Германией как символ великого подвига советского народа, Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. демонстрируется Знамя Победы, водруженное над рейхстагом в поверженном Берлине, надпись на котором гласит: „150 стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия...“.

Весной 1945 года советские войска, освобождая народы Западной Европы от фашистских поработителей, заняли Бунцлау. Обращаясь к воинам, освободившим город, командующий 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко сказал: „Мы с вами идем дорогами ратной славы наших предков. Вдумайтесь в это, друзья! Как сто тридцать лет назад шумят русские знамена в центре Европы. Мы пронесем их на Герлиц, Дрезден, Лейпциг, Берлин. Пронесем как символ свободы, по которой истосковались народы всей Европы. Будем же достойны своей великой исторической миссии, правнуки Кутузова!“.

Отдавая дань уважения великому полководцу, 7 марта 1945 года командующий 1-м Украинским фронтом И. С. Конев издал приказ, в котором сказано: „Войсками фронта занят г. Бунцлау. До этого города великий русский полководец фельдмаршал Кутузов довел победоносные войска в Отечественную войну 1812—1813 гг. 28 апреля 1813 года смерть оборвала победный путь Михаила Илларионовича Кутузова в г. Бунцлау... В ознаменование светлой памяти фельдмаршала Кутузова приказываю: 1. Коменданту Бунцлау учредить почетный караул у могилы фельдмаршала Кутузова. 2. Всем войсковым частям фронта и отдельным военнослужащим при прохождении мимо могилы и памятника фельдмаршала Кутузова отдавать воинские почести“.

28 апреля 1945 года в здании, где прошли последние дни Кутузова, был открыт музей. В этот день у его могилы в почетном карауле стояли 136 Героев Советского Союза.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. активизировала изучение военного наследия Кутузова. Один из современных исследователей его военного искусства П. А. Жилин пишет: „Советская военная наука впитывает все лучшее, что имеется в военном искусстве прошлого, широко использует военное наследие великих русских полководцев, в том числе и Кутузова, применительно к современным, коренным образом изменившимся формам и способам ведения вооруженной борьбы. Кутузов — военный деятель своей эпохи. Преемственность в области военного искусства в наше время сохраняется не в конкретно-исторических формах, а в принципах, методах действий, которые непрерывно развиваются и совершенствуются. То, что через целое столетие стратегические и тактические принципы Кутузова применялись в куда более грандиозных, чем прежде, сражениях Великой Отечественной войны, — свидетельство их большой теоретической и практической ценности...“.

Советские люди гордятся героической борьбой русского народа, самоотверженно и мужественно защищавшего свою страну от чужеземных захватчиков, гордятся тем, что он выдвинул из своей среды таких славных сынов, каким был великий полководец и военный мыслитель Михаил Илларионович Кутузов“. В память о нем в 1973 году в Москве у зда-

ния музея-панорамы „Бородинская битва” на Кутузовском проспекте был открыт памятник, сооруженный по проекту Н. В. Томского, с надписью: „Михаилу Илларионовичу Кутузову, славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года”.

В наше время с особой силой, глубиной и ясностью воспринимаются слова В. Г. Белинского: „... этот человек не есть частное явление, а один из выразителей сущности народной жизни, один из представителей нравственного могущества своего народа, не Михаил и не Ларионович, а просто Кутузов — имя символическое, из собственного сделавшееся нарицательным”.

Исторический музей располагает обширными собраниями вещевых, изобразительных и документальных материалов по внешней политике России 2-й половины XVIII века, Отечественной войне 1812 года и заграничным походам 1813—1814 гг.

Среди этих коллекций достойное место занимают материалы, отражающие жизнь и боевую деятельность М. И. Кутузова. В музее хранятся такие бесценные предметы, как подзорная труба фельдмаршала и его портфель, бытовые походные вещи, разнообразные портреты, изображения многочисленных боев и сражений, в которых участвовал и осуществлял руководство войсками прославленный полководец.

Лучше понять и оценить героическое прошлое нашего народа, подвиги наших предков при защите Отечества помогают многочисленные коллекции огнестрельного и холодного оружия, знамена регулярных и иррегулярных частей, мундиры и амуниция солдат, офицеров и генералов, различные награды, личные вещи сподвижников М. И. Кутузова — А. В. Суворова, П. И. Багратиона, А. И. Остермана-Толстого, Д. В. Давыдова, — многочисленные портреты героев русской армии.

В коллекции музея широко представлены трофеи. Это — разнообразное оружие и знамена неприятельских войск, мундиры и награды французских солдат и офицеров, личные вещи Наполеона Бонапарта и маршала Даву.

Памятниками освободительной миссии русской армии в Западной Европе во время заграничных походов 1813—1814 гг. являются ключи европейских городов: Данцига, Лейпцига, Бремена, Кельна, Аахена, Утрехта, Брюсселя, Реймса, Дрездена, Гамбурга.

Музей хранит широко известную коллекцию картин В. В. Верещагина „Отечественная война 1812 года”, посвященную подвигу русского народа в борьбе с наполеоновским нашествием.

Орден Кутузова I, II, III степеней.

I и II степени учреждены Президиумом Верховного Совета СССР 29 июля 1942 г., III степень — 8 февраля 1943 г.

Золото, серебро, эмаль

"Your name and memory will resound in the hearts of the most remote generations of Russia's future sons. Thoughts of you will blend with the notion of love for one's native land..."

V. I. Shteingel

Mikhail Kutuzov, the great Russian military leader who took part in the Russo-Turkish wars of 1768-1774 and 1787-1791, Commander-in-Chief of the Russian Army in the third anti-French coalition at the outset of the 19th century and in the war of 1811-1812 against Turkey, a glorious hero of the Great Patriotic War of 1812, was born on September 16, 1745, in St. Petersburg in a noblemen's family whose history went back to the 13th century.

Its progenitor Gavriil fought under the banner of Alexander Nevsky. The family name of Golenishchevs-Kutuzovs takes its beginning in the 15th century from their forebears' nicknames. One of them—Fyodor Alexandrovich was known as "Kutuz", and his brother Anani's son Vasily was dubbed "Golenishche" ("top of boot"). The family held a high position as confirmed by the fact that Ivan the Terrible married Maria Kutuzova off to Simeon, the former tsar of Kazan.

From an early age Kutuzov was prepared for a military career. In 1757 the 12-year-old boy was enrolled in the Engineering School founded by Peter I and reorganized in 1758 into a United Artillery and Engineering School that trained officers for the Russian Army.

At school Kutuzov spent all his free time reading and earned the reputation of a diligent and highly talented student.

Kutuzov went into active service in 1761 as company commander of the Astrakhan Infantry Regiment where he was transferred at his own request after 18 months of teaching mathematics at the Artillery and Engineering School. He served nearly a year as company commander under Field Marshal A. V. Suvorov and was appointed aide-de-camp to the Governor of Revel. In 1764 he was transferred to the army in the field stationed in Poland where he received his baptism of fire on August 8 in the battle against the army of Prince Radziwill.

In 1768 Turkey being incited by France declared war on Russia.

In 1770 Kutuzov as senior quartermaster in Count P. A. Rumyantsev's Corps was in the forefront of the advancing Russian army and performed difficult and important tasks "offering himself... for all dangerous missions" and became known to Rumyantsev as a courageous and talented officer equally good at staff work and in action. He was highly active in the battles at Ryabaya Mogila, Larga and the Kagul river where the Turks lost their main forces.

In 1772 Kutuzov began his service in the Crimean Army under V. M. Dolgorukov. During the battle at Shumy village where a Turkish landing force had ensconced itself Kutuzov by personal example, banner in hand, led his battalion into action. Bitter fighting ensued: the Turks were beaten back, the road to Alushta was free. But in this battle Kutuzov received a severe wound in the head. As stated in Dolgorukov's report: "This officer of field rank was wounded by a bullet which hitting him between the eye and temple on one side of his face went out at exactly the same spot on the other side".

△ М. И. Кутузов.
Гравюра Л. Серякова.
1877 г.

Михаил И. Кутузов

The Russo-Turkish war of 1768-1774 ended in the defeat of Turkey. In keeping with the Kuchuk-Kainarji Treaty Russia received the land between the Bug and Dniester, the Fortresses of Azov, Kerch, Yenikale and Kinburn. Turkey recognized the independence of the Crimean and Kuban Tatars. Russia was given access to the Black Sea and the Bosphorus and Dardanelles Straits.

In 1787 Turkey, having no desire to reconcile itself to the Kuchuk-Kainarji Treaty and incited by France and Britain, launched a new war against Russia.

In 1788 Kutuzov's corps was transferred to the site of the strong Turkish fortress Ochakov that was besieged by Potemkin's troops. On August 29 while beating back one of the Turks' sallies in the battle formations of his chasseurs Kutuzov was again gravely wounded in the head almost in the same manner as before.

After his recovery he was charged with the defence of the border between the Dniester estuary and Bendery. From there his troops were sent to Izmail, one of the strongest Turkish bulwarks on the Danube, where the battle has reached its decisive stage. The taking of the fortress, a task involving untold hardships was entrusted to Suvorov.

During the storming of the fortress Kutuzov in compliance with the battle formation had command of the 6th assault column on the left flank.

When presenting Kutuzov for decoration after the battle of Izmail Suvorov wrote of his favourite pupil and comrade-in-arms: "Major-General Golenishchev-Kutuzov, holder of a military order, has made a new addition to the experience of military art and bravery, having made away with all obstacles under heavy fire, climbed the rampart and seized the bastion. Forced to check his progress by the overwhelming enemy forces he showed an example of courage by retaining his position, overcoming the more powerful enemy, gaining hold of the fortress and proceeding to beat the enemy". In his own hand Suvorov wrote on the honours roll: "General Kutuzov was on my left wing but served as my right hand".

Meanwhile the Turks were preparing an offensive and had concentrated up to 100,000 men at Machin. The Russian army having crossed the Danube at Galats (30,000 men, 78 guns) approached Machin. The battle began in the early hours of July 9, 1791. On the approaches to the fortress Kutuzov's troops were detected. The Turkish cavalry swooped down upon them. Lining up his men in five square battle formations Kutuzov broke through the enemy circle and reached the initial battle line on the Turks' right flank. Supported by assaults from Golitsyn's and Volkonsky's troops Kutuzov's corps, while beating back the enemy's fierce resistance, girdled the Turks' right flank and decided the battle's outcome: defeated along the entire front line and pursued by Russian cavalry forces the Turkish troops fled leaving behind two camps with extensive matériel including 35 guns and the lost up to 4,000 men.

The fall of Izmail, the Turks' defeat at Machin and the victory of the Russian fleet at Kiliakria under F. F. Ushakov forced Turkey to agree to negotiations. The Treaty of Jassy concluded on December 29, 1791 (January 9, 1792) fixed the Russo-Turkish border along the Dniester; the Turks recognized the terms of the Kuchuk-Kainarji Treaty and the annexation of the Crimea to Russia.

After the Treaty of Jassy Kutuzov was stationed for some time in Moldavia and Poland and then transferred to diplomatic work. In a rescript of November 6, 1792 addressed to Kutuzov Catherine II wrote: "Mikhailo Larionovich, the intention being to dispatch you in the capacity of Ambassador Extraordinary and Plenipotential to the Ottoman Port you are expected to present yourself to our Majesty as quickly as possible for the necessary instructions".

The Russian Embassy at Constantinople numbered nothing less than 650 representatives: Catherine II wished to astonish the Turks by the magnificence and luxuriousness of the retinue and thereby underline once again Russia's power, as well as to be supplied with regular military-political and economic information.

On October 7, 1793 the Russian Embassy, banners flying, made its triumphant entry into the Turkish capital.

Kutuzov's perspicacity and foresight based on realistic factual analysis, his prudence, assiduity and ability to win others over to his side, along with a well-organized information system enabled him to settle the most complicated problems in Russia's interests. Kutuzov succeeded in preventing the further rapprochement between Turkey and France and the conclusion of an alliance aimed against Russia. He also achieved a favourable decision on tariffs thereby promoting Russian trade.

Early in 1794 upon fulfilling an important diplomatic mission Kutuzov returned to St. Petersburg.

There he was appointed Principal of the Cadet Corps. The respective decree of Catherine II read: "Our Lieutenant-General Mikhailo Golenishchev-Kutuzov is appointed by our Majesty Head Principal of the Land Cadet Corps under our authority." Being a general of extensive military experience and knowledge Kutuzov reorganized the Corps to tie in the cadets' education as fully as possible with practical military needs.

Simultaneously Catherine II put him in charge of the Russian Army stationed in Finland. Paul I, who ascended the throne in late 1797, sent Kutuzov to Berlin with a highly important diplomatic mission. After his two-month-long stay with Frederik William III in Berlin he resolved a major task of Russia's foreign policy: strengthened friendly relations with Prussia and prevented its rapprochement with France thereby ensuring its further participation in the anti-French coalition.

The assassination of Paul I highly affected Kutuzov's further life. After being appointed by Alexander I St. Petersburg's Military Governor and Infantry Inspector of the Finnish Inspectorate, and this only for a short time, in August, 1801 he was relieved of all posts and sent into retirement, the motivation being his state of health.

The actual reason for his dismissal must have been his knowledge of the conspiracy against Paul I, the latter's assassination and the involvement of the new emperor in these events. In 1802 Kutuzov left his family in St. Petersburg and went to live a life of exile in his estate Goroshki in Volyn, the Ukraine.

At the outset of the 19th century France was at war with almost all the European powers: Russia, Austria, Prussia, Spain, Sweden, Britain. Russia's allies in the third anti-French coalition were Britain, Austria, Sweden and the Kingdom of Naples. The brunt of the war fell to Russia and Austria. Despite Alexander's I dislike of Kutuzov he was given command of the Russian army that was sent as reinforcement for the Austrian troops.

The battle scheme developed by the Austrian generals was doomed to failure: it was based on obsolete strategy, failed to foresee Napoleon's manoeuvres and was of a defensive nature. Kutuzov offered Alexander I his own plan where the stress was on attacking the enemy and fighting on its territory. The plan was rejected and this affected the course of the entire war.

In August, 1805 the 50,000-strong Russian army marched into Bavaria where it was to join the Austrian forces. Having covered a thousand kilometres it reached

Braunau in October. At the time the Austrian troops were stationed at Ulm. A few days' marches would have brought Kutuzov to his destination. Napoleon, however, with a swift thrust of his numerous force turned the flank of the Austrian army under Archduke Ferdinand, but actually led by General Mach, forcing it to capitulate.

The Ulm catastrophe placed the Russian army in a grave situation: Kutuzov's 50,000-strong army (along with the Austrian troops) found itself facing Napoleon's army of 150,000, an army of a new type, steeled in battles and inspired by the ideas of the Great French Bourgeois Revolution.

Kutuzov took the only possible decision at the time—to step back and join with the second Russian army under General F. F. Buxgevden that was moving from Russia. After skilful manoeuvring and heavy defensive fighting Kutuzov's army reached Olmütz and united with Buxgevden's main forces. At the military council in Olmütz Kutuzov, bearing in mind the troops' exhaustion and the reinforcing of Napoleon's forces with new reserves, suggested another retreat.

Unfortunately his plan was rejected by the Austrians and Alexander I. The latter, seeking to usurp Napoleon's military glory, arrived at the front with Franz I and virtually removed Kutuzov from his post of command. This led to the erroneous decision to launch an immediate offensive against Napoleon by cracking down at Austerlitz. The allies' stillborn plan, the product of the Austrian General F. Weirother, was calculated on a passive strategy on the part of Napoleon and disregarded the terrain at Austerlitz.

The battle took place on December 2, 1805 bringing a crushing defeat to the Russo-Austrian forces. In his evaluation of Kutuzov's decisions in this war the well-known Soviet historian P. A. Zhilin wrote: "The Campaign of 1805 is a convincing example of how loss of power by the Commander-in-Chief, i.e. violation of the basic principle of one-man management, is liable to affect the course of fighting, the battle, operation and war in general".

Alexander I put the blame for this unfortunate outcome on Kutuzov...

In early 1806 the Russian army returned home. Kutuzov found himself again out of favour. He was discharged from his post of command and appointed Military Governor of Kiev. Then, after a short assignment with the Moldavian army in 1808, he was made Governor-General of Lithuania.

In the Russo-Turkish wars that were waged in the second half of the 18th century and were of an objectively progressive nature Russia retrieved its lost lands in the Northern Black Sea area. Turkey, however, having no intention of reconciling itself to its losses in the area and the Crimea, with support from France, availed itself of Russia's complicated situation in the war against Napoleon in Europe and in 1806 annulled all its treaties with Russia. It declared war on Russia that was to go on until 1812.

In early 1811 Kutuzov arrived in Bucharest where he took command of an army of 45,000.

The strength of the Turkish forces under the Head Vizier Ahmet Pasha was 80,000.

Kutuzov's main task was to bring the war to the quickest possible end and obtain an advantageous peace for Russia. This could be achieved only by routing the Turkish army.

Kutuzov was an innovator of military art. Taking into consideration the actual state of affairs and correlation of forces he made bold changes: did away with the cordon disposition of the Russian army along the Danube and

rejected the tactics of battling against the Turkish fortresses—they would disperse his less numerical forces without ensuring any effective results. Kutuzov's strategy was to concentrate his forces, convince the Turks of his alleged weakness and lure them to the Danube's left bank where he would surround Ahmet Pasha's army forcing it to capitulate.

Kutuzov launched on his plan by removing all his forces from the right bank of the Danube and blowing up the fortresses at Nikopol and Silistria while retaining Rushchuk as a peculiar "bait" for the Turks. After the battle at Rushchuk Kutuzov, in fulfilment of his plan, moved his entire army to the left bank. Ahmet Pasha, failing to see through the deception, sent his 40,000-strong army across the Danube at Slobodzeya and found himself at once in Kutuzov's "sack". All the Turks' attempts to expand the bridgehead at Slobodzeya fell through.

Ahmet Pasha was in a hopeless situation. Lacking ammunition and food supplies the Turkish army was forced to capitulate which it did in November 1811. The peace negotiations went on for six months. They owe their ultimate success to the diplomatic talents of the Russian Commander-in-Chief.

After overcoming all the stumbling blocks set up by West-European diplomacy, especially its French representatives, Kutuzov signed a treaty that was advantageous to Russia. This was done in Bucharest on May 28, 1812, a month before Napoleon's invasion of Russia. The peace treaty prevented Turkey from alliance with France in the latter's war against Russia. Russia received Bessarabia, the boundary with Turkey being established along the Prut river. Moldavia and Valakhia retained all the privileges according to the Treaty of Jassy. Serbia was given autonomy in matters of self-government. The peace treaty confirmed all the previously signed Russo-Turkish treaties and agreements.

Kutuzov's far-sighted and realistic policy in the Balkans and the diverse aid rendered to the Serbian and Bulgarian peoples promoted friendship and military cooperation with the Russians, inscribing a vivid page in his military and diplomatic career.

By the time the Patriotic War of 1812 began nearly the whole of Western Europe was under Napoleon Bonaparte, a champion of the interests of the big French bourgeoisie.

Analysing the aggressive policy of Napoleonic France, Lenin wrote that after Napoleon had created a French Empire by having subjugated a whole host of long-shaped, large and viable national states in Europe, the national French wars had turned into imperialist ones, that had in turn given rise to national-liberation wars against Napoleon's imperialism.

The Patriotic War of 1812 proved to be the major war of national liberation of the early 19th century that decided the fate of both Russia and Europe.

Napoleon's well-equipped multinational army counted more than 600,000 officers and men. In June, 1812, three powerful groupings of the French army of 500,000 infantrymen and cavalry and 1,372 artillery pieces were poised for attack on Russia's Western borders. Planning his Russian campaign Napoleon aimed at defeating the Russian army in swift border action, forcing Russia to her knees and eventually strengthening his power in Europe.

On June 24, 1812 the Napoleon army crossed the Nieman and invaded Russia. The French main thrust was levelled at Moscow.

Russia was involved in the war in a disadvantageous strategic situation and

with an unfavourable balance of forces. The Russian armies on the Western borders numbered 300,000 men and officers in strength and 1,200 artillery pieces spread on a wide front from the Black to the Baltic seas. This presented great difficulties for the Russian troops and became a cause of their retreat. Assessing the situation at the start of the war, Marx and Engels noted that the retreat of the Russian troops had been "a stern necessity rather than a free choice".

Russia's Western borders were defended by three armies: the 1st Western Army under General M. B. Barclay de Tolly in Lithuania protected the road to St. Petersburg; the 2nd Western Army under General P. I. Bagration in Byelorussia guarded the road to Moscow; and the 3rd Western Army under General A. P. Tormasov in the Ukraine defended the road to Kiev. Besides, the Danube Army under Admiral P. V. Chichagov in Valakhia was ordered at the start of the war to join the 3rd Western Army and commit itself to action in the southwestern direction.

The 1st and 2nd Western Armies had to bear the brunt of the initial months of the war. They had to withdraw fighting deep into the country and at a great distance from each other. According to the strategic concepts of their commanding generals, Barclay de Tolly and Bagration, the two armies were to retain their strength without affording the enemy an opportunity of overwhelming them separately and to join their forces at Smolensk for combined operations.

The war stirred up unprecedented patriotism among the Russian people. The well-known Decembrist I. D. Yakushkin wrote: "The war of 1812 has awakened the Russian people from sleep and is now the major event in their political life. Should the people continue in sleep, the Government's decisions and efforts would not be enough to drive the invading Gauls and a dozen other conquerors with them out of Russia".

The formation of the people's volunteer corps throughout the country was a manifestation of popular patriotism. They incorporated 340,000 patriots from among the people's inhabiting Russia. At the start of the war Kutuzov headed the St. Petersburg people's volunteer corps.

The retreat of the Russian troops, the loss of vast territories caused a growing discontent in the army, among the nobility and the broad masses, with the way the Government conducted military operations and with the fact that the field forces lacked a single military command. A special Emergency Committee, which was set up to decide whom the fate of the Army and Russia ought to be entrusted with, declared that the Committee members "unanimously feel that Infantry General Prince Kutuzov should be selected to this post". On August 20 Alexander I confirmed the Emergency Committee's decision, even if against his wish, and issued a decree appointing M. I. Kutuzov Commander-in-Chief. On August 29 Kutuzov arrived in the Army and assumed the command. He was met with common joy. "Kutuzov has come to beat the French", the soldiers would say.

The advantageous terrain for the battle was discovered near the village of Borodino at the town of Mozhaik situated at a distance of 120 km from Moscow. Here the Russian Army turned at bay, having straddled the Old and New Smolensk roads to Moscow.

In terms to the size of the armies that faced each other, the savageness and outcome the battle of Borodino can be compared with few other in world history. The enemies' strength was approximately the same. The French Army

had 135,000 officers and men with 587 guns, and the Russian Army counted 155,000 men, including 30,000 combatants of the Moscow and Smolensk people's volunteer corps, with 624 guns. Thus over 250,000 warriors in all fought out a bloody battle in the Borodino field over an area of 30 sq.km under the artillery bombardment from more than 1,200 guns. Napoleon viewed the battle of Borodino as an opportunity to win the war then and there. Kutuzov hoped to wear the French down and inflict heavy casualties on them in the defensive in order to seize the initiative at an opportune moment and launch a counter-offensive.

During the whole day of September 7, 1812 the Borodino battle raged in all its force. At night the fighting died down, the French had to withdraw to their original positions, having failed to accomplish their main mission: to wipe out the Russian army.

At Borodino Napoleon had to attack the Russian defence positions on a narrow front under the Russian artillery fire from the commanding heights and this led his crack forces to their death.

The French losses were 50,000 men, 1,600 officers and 47 generals, i.e. 58 per cent of cavalry and 44 per cent of infantry. The Russian losses counted 38,000 men, 1,500 officers and 29 generals as missing, wounded and killed including the death of General P. I. Bagration, Commander of the 2nd Western Army, General N. A. Tuchkov, Commander of the 3rd Infantry Corps and General A. I. Kutaisov, Artillery Officer of the 1st Western Army.

Recalling the battle of Borodino Napoleon had to admit: "Out of the fifty battles I had fought, the battle near Moscow was the one in which we showed the greatest courage but achieved the least success".

M. I. Kutuzov did not receive fresh reinforcements and, being aware of Napoleon's reserves—40,000 men marching to join their main forces, decided to resume the withdrawal. Realizing that the battle of Moscow might result in irreparable losses for the strength of the Russian army, Kutuzov decided at the meeting of Russian army generals in the village of Fili against the battle and ordered to withdraw from Moscow, although most of the generals favoured the battle.

Following the orders of the Commander-in-Chief, the Russian army withdrew from Moscow in the southeast direction, along the Ryazan road. Then, protected by its rearguard, it discreetly crossed the Kaluga road and quartered at a fortified camp near the village of Tarutino to the southwest of Moscow.

As soon as the French appeared in Moscow, fires started in the city and quickly spread out. Some 6,500 houses, or two-thirds of the city, were burnt to a shell. Seeking justification in the eyes of his contemporaries in Europe and subsequent generation, Napoleon tried to blame the civilian citizens for the fire and many were executed as arsonists.

Being a just war in character, the Patriotic War of 1812 made the broad masses take up arms against the Napoleon army. A major part in routing the enemy was played by the peasant guerrilla movement. Kutuzov was aware of the popular character of the war and encouraged the guerrilla movement in the regions occupied by the enemy. The peasants in conjunction with the army units besieged the French army garrisons, attacked the French army supply trains and sapped the French remaining strength.

The guerrilla warfare was part of the "little war" conceived by Kutuzov to undermine the strength of the Napoleon army and prepare conditions for the Russian counter-offensive. Over the five weeks following the battle of Borodino the French army lost a third of its men in action against the guerrillas.

Napoleon's position in Moscow was next to a hopeless one. His food supplies were dwindling away and new ones were not in sight. Winter was around the corner. The French did not reckon to sit it out quietly in the burnt city. The marshals pointed to this grave danger to Napoleon and urged a retreat from Moscow. Napoleon waited but in vain for a Russian peace offer and made several attempts to open peace negotiations with Alexander I. Napoleon did not get peace and had to fall back from Moscow on October 19. Having pushed the French to the Smolensk road at Maloyaroslavets Kutuzov rushed the Cossack Corps under M. I. Platov in hot pursuit of the retreating enemy. Subjected to incessant blows by the Russian regular army, Cossacks and guerrillas, Napoleon's armies, demoralised and sapped by the daily losses of men, artillery and trains of supplies, were rolling back to the West. In his order of November 10 to the army Kutuzov wrote: "Following the extraordinary victories we have been scoring over the enemy daily and in all places, the only thing that remains is to pursue him swiftly, and the Russian land that he dreamed of conquering will be sown with his bones. Hence, we are going to chase him with unflagging vigour. Winter is descending, snows and colds are gathering. Do they scare you, the Children of the North? Your iron chests fear not harsh weather or fierce enemy. Your chests make up a wall for your homeland to break everything that runs against it".

Having failed to entrench himself at Smolensk, Napoleon resumed the retreat. On November 15–18 the town of Krasnoye became a scene of one of the major battles of the war of 1812. Napoleon's defeat at Krasnoye had placed his army on the verge of catastrophe.

"To sum up", wrote Kutuzov, "the French army, or to be exact, what was left of it, was thrust over the Dnieper. Its flight was so hasty that our most mobile forces nearly failed to catch up with it. The victories at Tarutino on October 6, Maloyaroslavets on October 12, Vyazma on October 22 and Krasnoye on November 5 and 6 have crowned the Russian army with eternal glory. More than 500 cannons, 90,000 men, 27 generals and 31 banners were captured by the victor..."

Of Napoleon's "Great" army only a few thousand starved and frost-bitten fugitives managed to cross the border. In late December 1812 Kutuzov reported to St. Petersburg: "The enemy being routed, the war is over."

Great significance attached to the victory of the Russian people in the Patriotic War of 1812. It thwarted the threat of enslavement and partition to Russia and also created prerequisites for the liberation of Europe from Napoleon's tyranny. "The rout of Napoleon's Great Army during its retreat from Moscow", wrote Engels, "signalled the general uprising against the French domination in the West."

The concerted action by the Russian army and its allies during the European campaigns of 1813–1814, which were backed up by the liberation movement of the European peoples, finally brought down the fall of Napoleon's empire. Following a series of major battles, among which those at Kulm and Leipzig should be singled out, the Russian and allied forces entered France. On March 31, 1814, Paris, capital of Napoleon's empire, capitulated. Napoleon abdicated and went into exile to Elba Island. He made an attempt to return to France but after the "Hundred Days" of exile he was defeated at Waterloo on June 30, 1815 and conveyed to the remote island of St. Hélène in the Atlantic, where he remained in exile to his death.

During Kutuzov's European campaigns, on April 17, 1813, on his way to Drezden he made a stop at Bunzlau. On his way there the Field Marshal had caught cold and fell gravely ill. The doctors were helpless before the illness that grew progressively worse and on April 28 Mikhail Kutuzov was no more. His body was embalmed and brought to St. Petersburg for burial. On June 25 the funeral ceremony was held in a solemn atmosphere that drew thousands of people. M. I. Kutuzov was buried in the Kazan Cathedral. His remains after embalment were interred two kilometres west of Bunzlau near the Polish village of Boleslavets and a monument in the form of a severed column was set up with the inscription: "Prince Kutuzov of Smolensk passed from this life to a better world on April 16 (28), 1813". In the memory of those who were near to him and those who knew him well as a military man Kutuzov left an admirable and vivid image of himself as a man "strong of body and handsome of countenance that were remarkably in tune with his inner qualities: courage and resourcefulness coupled with a merry disposition and a lucid mind".

His contemporaries were well aware of Kutuzov's role in defending Russia and routing Napoleon's army giving a high appraisal to his patriotism and outstanding contribution to the development of Russian military art. A. Pushkin wrote: "The glory of Kutuzov is integrally linked with the glory of Russia, with memory of the greatest event in modern history. His title is the Saviour of Russia; his monument—the rocks of St. Hélène... Kutuzov alone was invested with the people's trust which he remarkably justified!" In 1831 a stately monument to the great military leader was put up in St. Petersburg after the project by B. I. Orlovsky.

In the Patriotic War of 1812 the Russian army and people, inspired by patriotism, displayed their best traits: staunchness, valour and gallantry. The Russian army generals brought up by A. V. Suvorov and M. I. Kutuzov, showed an example of outstanding military art based on advanced strategy and tactics. An outstanding role was played by Field Marshal Kutuzov who was aware of the popular character of the war. In the war of 1812 he showed himself as a great army leader who defeated the "invincible" Napoleon Bonaparte.

Kutuzov's theoretical and practical military heritage has always attracted researchers. Yet his talent of military leader won a most profound and comprehensive appraisal precisely during the Great Patriotic War of 1941–1945. Soviet military historian P. A. Zhilin wrote: "Soviet military science absorbs all the best that is contained in the military art of the past widely using the military heritage left by the great Russian military leaders, among them Kutuzov, as applied to present-day, radically changed forms and methods of waging armed struggle. Kutuzov was a military leader of his age. Today the continuity of military art is preserved not in its concrete historical forms but in the principles and methods of action which are constantly developed and modified. The fact that a century later Kutuzov's strategic principles were applied in the even more sweeping battles of the Great Patriotic War testifies to their huge theoretical and practical value..."

The Soviet people take pride in the heroic struggle of the Russian people who had selflessly and courageously defended their country from foreign invaders, they are proud that this people has brought forward glorious sons one of whom was the great military leader and thinker Mikhail Kutuzov."

London, Pub. by Agnew & Sons, Pall Mall.

Eng. by J. B. Agnew, from a painting by T. M. G. Agnew & Sons, Pall Mall.

The Dreadful MISERIES of the French Army En bivouac, Surprised by the Russian Cossacks.

A More Horrible Wreck than the once Grand French Army was never offered to the contemplation of Shuddering Humanity; wading through the miseries of a Russian Winter ill clad, worse fed, & harrassed, by an enemy constantly at their heels—no time for encampment, all night shivering under arms, untill the sternness of the frost, arrested even those motions of anguished nature, converted the poor Victims of Bonaparte's Cursed Ambition into a stiff & silent mass—small parties have been found by their pursuers, stretched on the snow livid—some quite inanimate, & others in which the blood still crept on, with a slow & thickening current, lay restless, helpless, despairing, more like shivering icicles than Soldiers.

„Бедствия французов.“
 Раскрашенная гравюра И. Хассела по оригиналу
 И. М. Райта.
 1-я четверть XIX в.

Page 6

M. I. Kutuzov

A print by F. Vendramini after a painting by L. Saint-Aubin. 1813

"View of St. Petersburg".

A colour print. Early 19th century

Page 7

Barrels of artillery guns with "unicorn" in forefront. Bronze, casting. Second half of the 18th century

Page 8

I. L. Golenishchev-Kutuzov (1729–1802).

A painting by D. Levitsky

Canvas, oil. Early 19th century

P. A. Rumyantsev-Zadunaisky.

"Thoughts on the state of the army, organization of military units and arsenals, the founding of military schools, discipline, etc."

Record on paper. Late 18th century

Page 9

P. I. Shuvalov (1710–1762).

A print by G. Schmidt. 1760

A. V. Suvorov. "The Science of How to Win."

Record on paper. Late 18th century

Page 10

"The Battle of Kagul on July 21 (August 1) 1770."

A painting by D. Khodovetsky.

Paper, watercolour. The 1770's

Page 11

Medal "In honour of Count Rumyantsev's Services in the War Against the Turks".

By I. Leger. Bronze, chasing. 1770

P. A. Rumyantsev-Zadunaisky (1725–1796).

By unknown painter.

Canvas, oil. Last third of the 18th century

◁

Москва. Памятник М. И. Кутузову.

Скульптор Н. Томский, архитектор Л. Голубовский.

1973 г. Современная фотография.

Page 12

"View of Bakhchisarai, the Capital of the Crimean Khanate."
A colour print after a painting by G. Geisler. 1794

Medal to mark the wounding of M. I. Kutuzov at Alushta on June 27 (July 8), 1774.

By V. Alekseyev. Bronze, chasing. 1874

Page 13

Arms of Russian cavalry: dragoons' broadswords, hussars' sabres.
Steel, gilding. Second half of the 18th century

V. M. Dolgorukov-Krymsky (1722–1782).
Unknown artist.
Canvas, oil. The 1770s

Page 14

G. A. Potemkin–Tavrichesky (1739–1791).
A painting by I. Lampi senior (?)
Canvas, oil. The 1790's

The Order of St. Alexander Nevsky. Instituted in 1725.
Gold, ruby crystal, enamel, moire.
Early 19th century

Page 15

"Plan of Turkish Fortress Ochakov Captured by Russian Troops on
December 6 (18), 1788."
A colour print. Austria. The 1790's

Page 16

M. I. Kutuzov.
A print by L. Seryakov
1878–1879

Crosses instituted to award officers for the capture of Ochakov and Izmail.
Gold, chasing, moire.
1788, 1790

Page 17

"M. I. Kutuzov wounded at Ochakov during sally of Turks from the Fortress
on August 18 (29), 1788."
A print by unknown artist.
Early 19th century

"The Surrender of Turkish Fortress Bendery to the Russian Army."
A print by Schutz.
Austria. 1790

Page 18

"A view of Sevastopol and the Russian Squadron."
A colour print after a painting by G. Geisler.
1794

Page 19

Medal in commemoration of "The Founding of the Black Sea Fleet."
By P. Bobrovshchikov.
Bronze, chasing. 1785

Page 20

The Order of St. George of the 1st class. The star and ribbon belonged to
A. V. Suvorov.
Gold, enamel, gold needlework, moire.
Late 18th century

A. V. Suvorov (1730–1800).
Painting by an unknown artist. Canvas, oil.
1795–1796

Page 21

"The Storming of Izmail on December 11 (22), 1790."
A colour print by S. Shiflyar after a painting by M. Ivanov. Late 18th
century

A commemorative medal in honour of A. V. Suvorov's victories. On the
obverse side is Suvorov's portrait; the reverse side bears inscriptions:
Kinburn, Fokshany, Rymnik, Izmail.
Artist K. Leberecht.
Bronze, chasing. 1791

Page 22

"Map of Turkish Fortresses on the Danube, Dedicated to the Battle at
Machin on June 28 (July 9), 1791."
A colour print. Austria.
The 1790's

Dippers of honour, presented by Catherine II to Colonel Karp Denisov and
Sergeant-Major Yevdokim Karpov of the Don Cossack Troops for loyal
service.
Gilt silver, niello chasing.
Late 18th century

M. I. Kutuzov.
Miniature from the print by F. Bollinger after a painting by K. Rozentretter.
Watercolour, gouache, bone.
First quarter of the 19th century

Page 23

"Triumphant March of the Imperial Russian Embassy through Kiatgan en
route to Peru near Constantinople."
Print by Koshkin after a painting by K. Maer.
Late 18th century

Page 24

Medal "Peace with Porta" in commemoration of the Treaty of Jassa with Turkey.

By K. Leberecht.

Bronze, chasing. 1791

"View of Constantinople, the Capital of the Ottoman Empire."

Austrian print.

Late 18th century

Page 30

Engineering and artillery textbooks for officers and cadets: "Field Fortifications" by G. Basin and "Artillery Propositions" by I.

Velyashev-Volyntsev.

1798, 1777

"The Italian Campaign of Field Marshal Count Suvorov-Rymniksky."

Florence. 1799

Sextant, telescope and goniometer used by cadets of the Land and Naval Corps.

Brass. Second half of the 18th century

Page 31

"Battle at Austerlitz on November 20 (December 2), 1805."

A colour print by I. Rugendas.

The 1810's

Page 32

"View of Kiev."

A lithograph of the mid-19th century after a painting by V. Khristoforov

Page 33

Wallet of M. I. Kutuzov.

Silk embroidery.

Early 19th century

Kutuzov's field dining set. It is said to be presented by A. V. Suvorov.

Gilded metal. Late 18th century

Kutuzov's field samovar.

Copper, cutting.

Early 19th century

Page 34

Ye. I. Markov (1769-1828).

A lithograph by Pesotsky after a painting by Klyukvin.

The 1840's

A. L. Voinov (about 1770-1832).

A lithograph by Pesotsky after a painting by Klyukvin.

The 1840's

Page 35

"The Battle of Slobodzeya. October 14 (26), 1811."

A print by an unknown artist.

Early 19th century

Page 36

Casket.

The composition on the lid: "Kutuzov Receives Turkish Envoys."

Unknown artist.

Walrus bone and ivory, cutting.

Early 19th century

Page 37

"M. I. Kutuzov before Bust of Catherine II."

Miniature by unknown artist.

Watercolour, gouache, bone.

First quarter of the 19th century

M. I. Kutuzov

A colour print by F. Bollinger after a painting by Smith.

The 1810's

Page 38

"The Kalemegdan Fortress in Belgrade, the capital of Serbia."

Austria. A lithograph.

Mid-19th century

Page 39

Flint-lock pistols used by the Serbian insurgents.

Metal, silver, gilding, coral.

Early 19th century

Rifles of Russian soldiers.

Steel, wood.

Early 19th century

Arms of Balkan peoples: rifles, pistols, sabres, yataghans, powder-flasks.

Metal, silver, gilding, coral.

Late 18th-early 19th centuries

Page 45

M. I. Kutuzov.

An unknown sculpture.

Bronze, marble.

First half of the 19th century

Page 46

"Napoleon Bonaparte Is Dividing Europe Between His Kin."
An English cartoon ridiculing Napoleon's expansionist ambitions.
A coloured engraving.
Early 19th century

"The Napoleonic Army Crossing the Niemen.
June 12 (24), 1812."
A print by J. Klauberg after D. Bajetti's drawing. 1810

Page 47

A commemorative medal "People's Volunteer Corps of 1812."
By A. Lyalin from a medallion by F. Tolstoy.
Bronze, chasing. 1834

"A Farewell to a People's Guardsman."
A print by A. Ukhtomsky after a painting by I. Luchaninov.
1812

M. I. Kutuzov.
A print by D. Hotwood, 1813

Page 48

The tunic, sabre and pistol belonging to a soldier of the Uhlan Orenburg Regiment, shako of the Uhlan Vladimir Regiment.
Woolen cloth, metal.
Early 19th century

The tunic, shako, sword and cartridge-pouch of a lieutenant of the Guards Lithuanian Regiment.
Woolen cloth, leather, metal.
Early 19th century

The tunic of a general of the Guards Artillery. Belonged to Alexander I.
Woolen cloth, embroidery.
Early 19th century

Page 49

Swords of officers taking part in the Patriotic War of 1812 and the European campaigns of 1813–1814.
Steel, gilding, engraving.
First quarter of the 19th century

"General Field Marshal Prince Golenishchev-Kutuzov-Smolensky, accepting command of the Russian Army in August 1812."
Drawing and print by I. Terebenev.
1813

Page 50

"The Battle of Borodino. August 26 (September 7), 1812."
Engraved by S. Fyodorov under S. Cardelli's guidance after the print by D. Scotti.
1814

Page 51

A snuff-box with Kutuzov's portrait.
By an unknown artist after a print by S. Cardelli.
Gold, watercolour, bone, gouache.
First quarter of the 19th century

M. I. Kutuzov.
A colour print by S. Cardelli.
The 1810's

Page 52

A commemorative medal "The Battle of Borodino".
By A. Lyalin from a medallion by F. Tolstoy.
Bronze, chasing.
1834

"The Battle of Borodino. August 26 (September 7), 1812."
A colour lithograph by Viktor after a painting by P. Gess.
Mid-19th century

Page 54

M. B. Barclay de Tolly (1761–1818).
Drawing and print by K. Zenf.
1816

General I. S. Dorokhov's sabre.
Steel.
Early 19th century.

Page 55

"General F. P. Uvarov's Cavalry Attack."
A colour lithograph by S. Vasilyev after a painting by A. Dezarno.
1912

Page 56

P. I. Bagration (1765–1812)
A print by S. Cardelli.
The 1810's

The star and ribbon of the Order of St. Andrew the First-Called Instituted in 1698. The ribbon belonged to P. I. Bagration.
Moire, silver embroidery.
Early 19th century

Page 57

"The End of the Battle of Borodino."

A painting by V. Vereshchagin.

Canvas, oil.

1899–1900

Page 58

N. A. Tuchkov (1765–1812).

By an unknown artist.

A copy of the portrait by D.-B. Damon Ortolani. The 1800's.

Canvas, oil.

First half of the 19th century

A. A. Tuchkov (1778–1812).

By an unknown artist.

A copy of the portrait by A. Varnek. The 1810's.

Canvas, oil.

First half of the 19th century

Page 59

The Order of St. Vladimir, instituted in 1782.

The star belonged to N. A. Tuchkov.

Gold, silver, enamel, moire.

Early 19th century

M. I. Kutuzov

A lithograph by V. Adam.

Mid-19th century

Page 60

A. P. Yermolov (1777–1861).

A print by A. Ukhtomsky after a painting by V. Mashkov.

First quarter of the 19th century

A. I. Kutaisov (1784–1812).

A print by S. Cardelli.

The 1810's

Page 61

"The Military Council in Fili on September 1 (13), 1812."

A colour lithograph after a painting by A. Kivshenko.

1912

Page 62

N. N. Rayevsky (1771–1829).

A copy from a portrait by G. Dawe by an unknown artist.

Canvas, oil.

Second half of the 19th century

The Order of St. Anna of the 1st class. Instituted by Prince Karl Friedrich of Schleswig–Holstein in 1735 in tribute of the memory of his wife Anna Petrovna, a daughter of Peter I. In 1797 the Order was listed among the Russian military decorations.

Gold, precious stones, ruby crystal, moire.

Early 19th century

Page 63

"Moscow. View inside the Kremlin at Spassky gates."

A colour print by G. Lori after a drawing by G. Delabart.

Early 19th century

Page 64

Napoleon Bonaparte (1769–1821).

A painting by V. Vereshchagin.

Canvas, oil.

1887–1895

Napoleon's razors.

The inscription on the case reads: "These razors were seized from Emperor Napoleon's train at the Berezina".

Steel, bone, leather.

Early 19th century

Page 65

"General Plan of Moscow in 1812."

(black colour denotes districts destroyed by fire).

A colour print. 1813

Page 66

"Soap-Bubbles."

A colour print by I. Terebenev.

1813

"You've Failed to Get Us to Pipe to Your Tune; Now You Dance after Our Piping."

A colour print by I. Terebenev.

1813

M. I. Kutuzov.

A miniature by an unknown painter after a print by S. Cardelli.

The inscription along the oval reads: "He is alive and immortal who has saved his homeland".

Watercolour, gouache, bone.

The 1810's

Page 67

"M. I. Kutuzov Rejects Napoleon's Proposal of Peace Conveyed Through

the Emperor's Envoy General Lauriston in Tarutino."
A colour print by an unknown artist.
First quarter of the 19th century

Page 68

M. I. Platov (1751–1818).
A copy made by an unknown artist from a painting by A. Orlovsky.
1812–1813.
Paper, watercolour.
The 1810's

A. A. Bibikov (1765–1822).
A miniature by an unknown artist.
Paper, watercolour.
First quarter of the 19th century

A. S. Figner (1787–1813).
A miniature by an unknown artist.
Bone, watercolour, gouache.
First quarter of the 19th century

Page 69

P. K. Wittgenstein (1769–1843).
A copy by an unknown artist from a portrait by G. Dawe.
The 1820's.
Canvas, oil.
First half of the 19th century

D. V. Davydov (1784–1839).
A colour print by M. Dubourg after a painting by A. Orlovsky.
1814

Page 70

M. I. Kutuzov.
A print by A. Grachev after a painting by F. Kinel.
1813

Medal "In commemoration of the liberation of Moscow from foreign invaders".

By A. Klepikov from medallion by F. Tolstoy.
Bronze, chasing.
1834

Page 71

"Victory at Tarutino on October 6 (18), 1812."
Engraved by S. Fyodorov under S. Cardelli's guidance after the print by D. Scotti.
1814

Page 72

D. S. Dokhturov (1756–1816).
A miniature by an unknown artist after the painting by V. Borovikovsky.
Bone, watercolour, gouache.
1811

Models of cannon of 1812.
Bronze, wood.
Early 19th century

Cavalry pistols and Hussar bag.
Metal, wood, woolen cloth.
Early 19th century

Page 73

"Victory at Maloyaroslavets on October 12 (24), 1812."
Engraved by I. Begrov under S. Cardelli's guidance after the print by D. Scotti.
1814

Page 74

I. V. Vasilchikov (1777–1847)
A miniature made by an unknown artist after a painting by G. Dawe.
Cardboard, oil.
The 1820's

M. A. Miloradovich (1771–1825).
A colour print by S. Shiflyar.
The 1810's

Page 75

"The Battle at Vyazma on October 22, 1812."
A colour lithograph from a painting by P. Gess.
1912

Page 76

P. P. Konovnitsyn (1764–1822).
A portrait by his daughter Ye. P. Konovnitsyna, the wife of the Decembrist M. M. Naryshkin.
Paper, pastel, pencil.
1822

F. P. Uvarov (1773–1824).
A print by I. Mansfeld after a painting by I. Isabey.
1814

Page 77

M. I. Kutuzov.
A print by S. Cardelli after a painting by A. Orlovsky.
1813

Kutuzov's field bag.
Embossed leather, metal, gilding.
Early 19th century

Page 78

"How did he defeat his enemy? By a whip."
A colour print by I. Terebenev, 1812

The Order "Légion d'honneur".
Instituted by Napoleon in 1802.
Gold, silver, enamel, moire.
1812

"Review of the French Troops on the Return Road Through Smolensk."
A colour print by I. Terebenev. 1813

Page 79

"Ural Cossacks."
A watercolour by an unknown artist.
Early 19th century.

Page 80

"A Withdrawal, a Hasty Retreat."
By V. Vereshchagin.
Canvas, oil.
1887-1895

Page 81

Decanters from Napoleon's field set.
France.
Cutglass, diamond cut, painting.
Early 19th century

"Chargé! Hurrah! Hurrah!"
A painting by V. Vereshchagin.
Canvas, oil.
1887-1895

Page 82

"The Defeat of Marshal Davout at Krasnoye. November 5 (17), 1812."
Engraved by S. Fyodorov under the guidance of S. Cardelli after a drawing
by D. Scotti.
1814

Page 83

Soldiers' guns, a shako and a drum; officers' swords; captured French
banner.
Metal, wood, fabric, leather.
Early 19th century

M. I. Kutuzov
A painting by N. Yash.
Canvas, oil.
1883

Page 84

The French Marshal L.-N. Davout's tunic.
Woolen fabric, gold embroidery.
1812

French Marshal L.-N. Davout's staff, a trophy of the Russian army.
Gold, silver, velvet, wood. 1812

The French General's tunic, shako and spyglass.
Woolen fabric, silver embroidery.
1812

Page 85

"Flight of Bonaparte from the Battle of Krasnoye".
A colour print by T. Sutherland after the painting by W. Heath.
1815

Page 86

V. V. Orlov-Denisov (1775-1844).
A copy by an unknown artist from the portrait by G. Dawe.
The 1820's.
Canvas, oil.
First half of the 19th century

A commemorative medal "The Battle at Berezina".
By A. Lyalin from a medallion by F. Tolstoy.
Bronze, chasing.
1835

Page 87

"Napoleon is Crossing the Berezina. November 14-17 (26-29), 1812."
A colour lithograph after a painting by P. Gess.
Mid-19th century

Page 88

"The Night Halt of the Great Army."

By V. Vereshchagin.

Canvas, oil.
1896-1897

Page 89

The cross and ribbon of the Order of St. George, 1st Class, instituted in 1769.

Gold, enamel, moire. 19th century.

M. I. Kutuzov.

A print by D. Godbi after a painting by R. Volkov.

1814

Page 92

M. I. Kutuzov.

A print by F. Bollinger after a painting by K. Rozentretter.

1811

Page 93

"Kutuzov's Demise at Bunzlau on April 16 (28), 1813."

A watercolour by I. L. Yefimovich, Kutuzov's aide-de-camp.
1813

M. I. Kutuzov.

A miniature by an unknown artist after a print by S. Cardelli.

Watercolour, gouache, bone.

The 1810's

Monument to Kutuzov in Bunzlau.

Photograph.

Second half of the 19th century

Page 94

"Kutuzov's Funeral in St. Petersburg."

Drawing and print by M. Vorobyev.

1814

Page 95

Snuff-box with miniatures of Field Marshal M. I. Kutuzov, Prussian Field Marshal G. Blücher and British Field Marshal A. Wellington. The inscription reads: "What was begun by the Russian leader in 1812 was completed in 1815 by the victors at Belle-Alliance".

Watercolour, gouache, bone.

First third of the 19th century

M. I. Kutuzov.

A print by H. Dawe after a painting by G. Dawe.

First third of the 19th century

Page 96

Decoration medals for the Patriotic War of 1812 and for the capture of Paris in 1814.

Silver, chasing.

1812, 1826

M. A. Fonvizin (1788-1854).

By an unknown artist.

Canvas, oil.

First quarter of the 19th century

Page 97

M. F. Orlov (1788-1842).

A copy made by Razumikhin from the portrait by A. Rizener.

The 1810's. Canvas, oil.

A. N. Muravyov (1792-1863).

A painting by F. Tulov.

Canvas, oil.

1817-1819

Page 98

A. P. Tormasov (1752-1819).

A painting by K. Reikhel

Canvas, oil.

1813

Page 99

"The Battle of Leipzig. October 4-7 (16-19), 1813."

A colour print. Austria. Vienna.

First quarter of the 19th century

General A. I. Chernyshov's sabre.

The scabbard is decorated with appliqué depicting battle scenes of European campaigns.

Steel, gold, precious stones.

1836

Page 100

"The Surrender of Paris. March 19 (31), 1814."

A colour print. Austria. Vienna.

First quarter of the 19th century

Page 101

Sword conferred on Napoleon Bonaparte with the inscription: "To Bonaparte, the First Consul from the French Republic".
Damask steel, silver, gilding.
Early 19th century

"Napoleon Bonaparte in Exile."

By A. Orlovsky.
Paper, watercolour.
The 1810's

Page 102

Tea service with scenes from the Patriotic War of 1812.
Association of M. S. Kuznetsov.
Porcelain, decal.
1912

A bumper with the picture of the Goddess of Glory, a decanter and a goblet with the inscription: "In commemoration of the capture of Paris on March 19, 1814".
Cutglass, milk glass, diamond cut, gilt.
1814

A decanter and mugs with the inscriptions:
"Paris was captured on March 19, peace was granted to France and the whole world on May 18, 1814."
Green glass, diamond cut, gilt.
1814

Page 103

"The ceremonial march of the Guards on July 31, 1814, through the Triumphal Arch erected in St. Petersburg to celebrate the end of the Patriotic War of 1812 and the European campaigns."
A coloured engraving by I. Ivanov.
1814

Page 105

The Order of Kutuzov of the 1st, 2nd and 3rd Classes.
The 1st and 2nd Classes were instituted by the Presidium of the USSR Supreme Soviet on July 29, 1942; the 3rd Class—on February 8, 1943.
Gold, silver, enamel

Page 106

M. I. Kutuzov.
A print by L. Seryakov.
1877

Page 112

Moscow. Monument to M. I. Kutuzov.
Sculptor N. Tomsky, architect L. Golubovsky.
1973. Contemporary photograph

1-я полоса обложки:

М. И. Кутузов
Художник Н. Яш. 1883 г.

2-я полоса обложки:

Москва. Триумфальная арка в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Архитектор О. Бове, скульпторы И. Витали, И. Тимофеев. 1834 г.
Современная фотография.

3-я полоса обложки:

Шкатулка.
На крышке сцена: „Кутузов в походе“, выполненная неизвестным художником по гравюре С. Карделли.
Моржовая кость, резьба.
1-я половина XIX в.

4-я полоса обложки:

Памятная медаль, посвященная 150-летию Бородинской битвы, орден Кутузова I степени, памятная медаль „Михаил Кутузов 1745—1813“ на 150-летие кончины полководца.
Золото, серебро, бронза, чеканка.
1962 г., 1942 г., 1963 г.

Front cover:

M. I. Kutuzov
A painting by N. Yash. 1883

Inside front cover:

Moscow. Triumphal Arch marking the victory in the Patriotic War of 1812.
Architect O. Bove, sculptors I. Vitali, I. Timofeyev. 1834. Contemporary photograph

Inside back cover:

Casket.
On the lid reads: "Kutuzov on the March".
By an unknown artist after a print by S. Cardelli.
Walrus bone, cutting
First half of the 19th century

Back cover:

A commemorative medal marking the 150th anniversary of the Battle of Borodino;
the Order of Kutuzov, 1st Class;
a commemorative medal "Mikhail Kutuzov 1745-1813", marking the 150th year since the Field Marshal's death.
Gold, silver, bronze, chasing.
1962, 1942, 1963

Цена 5 руб. 80 коп.
© Внешторгиздат, 1989
Внешторгиздат. Изд. № 211р

Художник Ныркова Г. В.
Фото Серегина В. Н.

MIKHAIL
KUTUZOV